

РИНА ВЕРГИНА

СОБСТВЕННОСТЬ ГЕНЕРАЛА.
СКАНДАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ ЛЕКАРКИ

Рина Вергина

Собственность генерала.

Скандальная история лекарки

<https://litres.ru/74204192>

Аннотация

- Сегодня объявили о помолвке Рондельфа. Он женится на наследнице древнего рода. Ты понимаешь, что это значит, Арделия?

- Он больше не любит меня, - шепчу одними губами.

- Это значит, что если мы заявим о твоём... положении, нас ждет скандал. Позор. Собирай вещи. Ты уезжаешь. Немедленно.

Жених отказался от меня перед свадьбой. Отец, спасаясь от скандала, сослал в монастырь, где я родила ребенка. Настоятельница пригрозила отправить дочку в приют, и тогда я решилась на побег. Но роковая случайность привела нас в долговую яму.

Нас выставили на торги, как скот. Меня купил генерал, чью рану я когда-то лечила. Теперь я должна выполнять его приказы, а он дает крышу над головой мне и моей дочери.

Но я не служанка и не наложница. Я врач из другого мира. И я заставлю этого высокомерного генерала увидеть во мне личность.

Наша борьба превращается в страсть, которая может стоить мне всего.

Он привык побеждать. Я не привыкла проигрывать.

Кто сдастся первым?

Книга является частью литмоба "Попаданка для генерала"

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	16
5	22
6	26
7	30
8	37
9	42
10	46
11	52
12	57
13	61
14	67
15	72
16	76
17	81
18	87
19	92
20	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

1

- Барон, ваша дочь нечиста, - с легкой издевкой проговорил лекарь.

- Вы уверены? – рявкнул отец.

- Абсолютно.

Я сжалась в комочек. Свела ноги и спустила подол платья, прикрывая наготу. Так унижительно все это.

Но лекарь произнес чистую правду. А я надеялась... верила, что Рон защитит меня.

Он говорил, что все будет хорошо. Что близость перед свадьбой естественна. И что никто не узнает.

Его губы так настойчиво целовали и шептали о любви. И я сдалась. Что плохого в том, что мы это сделаем до свадьбы? Рон так умолял меня быть его. Тайком пробрался в мою спальню через окно. Ночью, так, чтобы не видели слуги. А потом долго целовал, касался нежной кожи бедер, слегка шершавыми ладонями. Говорил, что я свожу его с ума. И что до свадьбы осталось меньше месяца. И он больше не хочет ждать.

И я сдалась.

- Вы понимаете, что о свадьбе не может идти речи, - услышала я за пологом громкий шепот леди Райаны.

- Это какое-то недоразумение...

- Это просто говорит о том, что вы плохо воспитали дочь,

барон. Нужно было лучше следить за ней.

- Она всегда была такой послушной... - глухо проговорил отец.

- Кто знает, сколько мужчин у нее уже было... - каблучки леди Райаны зацокали к выходу.

Нет! Нет, нет, нет.

У меня был только один мужчина. Рон... Рондельф. Только он!

Нужно сказать. Вернуть ее. Рон подтвердит.

Я поднялась с постели и босиком бросилась к двери.

- Арделия! Вернись на место! – хлестнул меня рев отца.

- Нет. Леди Райана, не уходите. Это все недоразумение.

- Раньше надо было думать, дорогуша, - Райана оглянулась, хлестнув меня холодными голубыми глазами, - вы бы лучше привели себя в порядок. Или вам не привыкать бегать в таком виде?

- Пожалуйста. Выслушайте меня, - я прикусила губу, чтобы не заплакать, - у меня был только Рон...

- Значит вы все же не будете отпираться... Хочу заметить, дорогая, что Рон поклялся, что не касался вас. С моим племянником у вас ничего не могло быть.

- Но это не так...

- Арделия, довольно позорить наш род! - железная хватка отца сомкнулась на моем запястье.

Он с силой оттащил меня от двери и вышел, провожая леди Райану. Я застыла посреди комнаты, жадно хватая ртом

воздух.

Этого не может быть! Рон не мог от меня отказаться!

Это просто чудовищная ошибка!

У нас свадьба через неделю. В шкафу висит готовое платье. Я только вчера закончила расшивать серебряными нитями пояс. Старинными рунами. На счастье.

- Леди Арделия. Не советую вам ходить босиком по голому полу, - донесся голос лекаря. - Вы можете заболеть.

Я обернулась. Посмотрела на него невидящим взглядом.

- Какая теперь разница, - произнесла дрогнувшим голосом.

- Возможно есть разница. Я не стал говорить при леди Арделии... но все же хочу спросить. Когда в последний раз у вас были женские дни?

- Не помню. Месяц назад. Возможно больше. Разве это так важно?

- Посмею предположить, что вы беременны.

- Что?

В глазах на миг потемнело. Я пошатнулась, и лекарь подхватил меня под руку.

- Что же тут непонятного... вы ждёте ребёнка.

Я заперта в своей комнате. Неподвижно сижу на кровати, прижав к себе подушку. Сегодня должен был быть день моей свадьбы.

А вместо этого я размазываю по щекам слезы и тупо смотрю в стену. Я прокаженная. Грязная. Недостойная.

Мне никогда не избавиться от этого клейма.

Все дни я умоляла отца поговорить с Роном. Скулила, стуча кулачками в закрытую дверь. Уговаривала передать ему несколько писем, в которых умоляла не разрывать свадьбу.

Он же клялся, что любил меня. Что же изменилось?

- Он все отрицает, - зло отрезал отец, - так кому мне верить? Как ты вообще могла допустить такое, Арделия! И теперь... если ты и вправду ждешь ребенка, как мне с тобой поступить?

Голос отца зловеще звучит в тишине комнаты. Мне хочется сказать – убей! Мне и вправду не хочется жить. Я почти ничего не ем и почти превратилась в тень.

Но я все еще надеюсь, что произойдет чудо. На пороге моей комнаты появится Рон и заберет меня с собой. Меня и нашего ребенка.

Но отец разбил мои мечты вдребезги. Он, как всегда, открыл своим ключом дверь моей комнаты. Сел напротив меня на стул и уставился тяжелым взглядом.

- Сегодня объявили о помолвке Рондельфа. Он женится на наследнице древнего рода. Ты понимаешь, что это значит, Арделия?

- Он больше не любит меня, - шепчу одними губами.

- Это значит, что если мы заявим о твоём... положении, нас ждет скандал. Позор. Собирай вещи. Ты уезжаешь. Немедленно.

- Отец, умоляю... не отсылай меня.

Слезы сами льются из глаз. Отец только брезгливо морщится, глядя на мое распухшее от слез лицо.

- Твой брат делает карьеру при дворе. Ему не нужны скандалы и грязные сплетни за спиной. А соседи уже начинают шептаться. Для всех будет лучше, если ты просто исчезнешь. Мне проще сказать, что ты умерла.

Отец встает. Он больше не смотрит на меня. Все для себя решил. А я падаю перед ним на колени. Хриплю, чтобы сжалился надо мной. Я не представляю, как буду жить без дома. Без своей семьи.

Отец не слушает. Просто уходит, хлопнув за собой дверью. И я остаюсь одна.

Служанка молча складывает мои вещи в сундук. Ее жалостливый взгляд бьет сильнее любых слов.

- Ну все, вставайте госпожа. Экипаж ждет. Иначе хозяин будет сердиться.

- Куда меня, Несс? – безразлично звучит мой голос.

- В обитель у северной границы. Сестры принимают там

девушек, которые... - Нес мнется, не зная как закончить.

- Опозорили свой род, - заканчиваю за нее я.

Я нахожу в себе силы подняться. Умываю лицо холодной водой. Несси помогает мне надеть простое платье. Скромное, без всяких украшений.

Я выхожу из дома. Экипаж ждет, а сундук с вещами загружен. Оглядываюсь на окна дома, надеясь увидеть отца. Кроме него и брата у меня никого нет. Мама умерла несколько лет назад. Сгорела в лихорадке.

В окнах пусто. Отцу больше нет до меня дела.

- Вот, госпожа, держите. Там пирожки, - сует мне Несс узелок в руки. От него веет теплом.

- Спасибо. Только я больше не госпожа.

Я сажусь в экипаж. Больше не оглядываюсь. Отец прав. Я опозорила семью и мне больше нет здесь места. Но все же горечь затопляет нутро от того, что родные так быстро от меня отказались.

Я корчусь, когда вспоминаю, как пылала от страсти в руках Рона. Как сама просила взять меня.

Я не должна была позволять. А теперь за эту ночь меня ждет расплата.

Я закрываю глаза, сжимая в кулаках подол платья.

«Пусть это всё кончится. Я не вынесу. Я слишком слаба. Я не выживу в монастыре. А ребенок... Боги, я не справлюсь. Лучше бы всё закончилось. Прямо сейчас».

И вселенная, кажется, меня услышала.

Мир внезапно опрокидывается. Оглушительный треск, визг дерева, крик лошадей. Моя голова с размаху бьётся о твёрдый борт. И всё взрывается ослепительной, белой, всепоглощающей болью.

«Привидится же такое» - я тряхнула головой, но та отдавалась ноющей болью.

- Что за черт?

Я дотронулась ноющего виска. Пальцы окунулись в липкую массу.

Тут же послышался шум и скрежет. Меня ослепил свет. И в тоже мгновение меня потянули за плечо, вытаскивая наружу.

Поставили на ноги.

- С вами все в порядке?

Передо мной возникло незнакомое лицо мужчины с густой бородой. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться.

- Кровь... - констатировала я, демонстрируя ему свои испачканные пальцы. Тонкие, длинные, без аккуратного маникюра, который я делала пару дней назад.

Но настоящий шок ждал впереди.

В трёх шагах от меня, нелепо накренившись, лежал... экипаж. Деревянный, с коваными ободами, словно из музейной экспозиции. Две лошади в стороне нервно били копытами, натягивая вожжи.

- Ничего, руки-ноги целы, - бородач махнул рукой. - Рану вам в обители подлечат.

И тут, словно прорвало плотину. В мозг хлынул чужой,

отчаянный поток образов и чувств.

Платье для свадьбы. Письма Рону. Гнев отца. Позор. Ребенок...

Арделия.

Я едва устояла на ногах, схватившись за рукав мужчины. Тот заботливо поддержал, отвел на обочину и усадил в траву.

- Вы пока отдохните. Сейчас кто-нибудь появится на дороге и попросим помощь.

Я послушно кивнула и тут же снова схватилось за голову.

Как же меня хорошо приложило. До сих пор глюки не отпускают.

Хотя что я хочу. Сутки на ногах. Пора начать жалеть себя. Все же не девочка. Пятый десяток разменяла.

Но смена выдалась тяжелая. Крупная авария в центре города. Пострадавших всех к нам - в ближайшую больницу. Непрерывный забор крови. Капельницы. Сложная операция, на которой я ассистировала хирургу. После операции присела отдохнуть. Что-то сердце защемило. Потянулась в сумочку за таблетками...

«А если я все же умерла. Там, у себя. В сестринской» - промелькнула мысль. Говорят, перед смертью вся жизнь перед глазами мелькает. Вот и у меня промелькнула. Только не моя. Арделии. Как в убыстренной съемке. Только последняя неделя с пугающей ясностью.

Весь ее страх и отчаяние до сих пор клокотал глубоко в груди.

«Так, нужно успокоиться. Если я действительно попала в тело этой девочки, значит меня везут в обитель. А еще это значит, что я... беременна!

Мысль прострелила не хуже ноющей боли в голове. Я машинально приложила ладони к животу. Все же после аварии с экипажем могло произойти все что угодно.

Я мысленно просканировала ощущения. Тошнота? Головокружение? Резкой боли, спазмов - нет.

Я беременна. Эта мысль неожиданно согрела. Я в прошлой жизни так хотела стать мамой. Но после выкидыша забеременеть мне так и не удалось. Что я только не пробовала. Сколько лечилась. Женька, мой муж, первое время поддерживал меня. А потом ушел к любовнице, которая родила ему сына.

Вдали послышался скрип и топот. К нам подкатила телега, полная мужиков в грубой рабочей одежде. Возничий обрадовано замахал руками.

- Вот и помощь!

Пока мужчины, кряхтя, ставили экипаж на колеса и что-то чинили, я, действуя на автопилоте, нашла в придорожной траве несколько крупных листьев подорожника. Я размяла их в пальцах, сняла уже подсохший слой крови с виска и приложила свежий сок к ране. Хоть какая-то защита от инфекции.

Вскоре возничий, вытирая пот со лба, отрапортовал.

- Починили. Можем ехать дальше. Не беспокойтесь, ба-

рышня, скоро мы будем в обители.

Обитель напоминает неприступную крепость за высокими зубчатыми стенами. Мне не нравится это место. С радостью бы сбежала отсюда, если бы имела представление о мире, в котором очутилась. А так все мои воспоминания вертелись вокруг спальни Арделии, смешанные с горьким привкусом ее эмоций. К тому же в моем положении думать о побеге совсем неразумно.

Возможно, внутри не все так и плохо.

Возничий поставил сундук с моими вещами возле ворот и быстро ретировался. Я с тоской оглянулась на закрывшиеся за ним ворота. Меня тут же окружило несколько женщин в серых платьях. Никто не спрашивал моего имени. Сундук с вещами тут же открыли и стали в нем бесцеремонно швыряться. Я тут же выхватила для себя еще одно платье, пока не увели.

- Здесь все общее. Будешь жить со всеми в одной комнате. И замаливать грехи. Ты же не просто так здесь оказалась? – перехватила мою руку костлявая старуха в черном балахоне.

Я уставилась на нее, пытаюсь понять кто передо мной. Настоятельница? Но ноющий висок не давал сосредоточиться.

- Что молчишь? Язык проглотила?

- Нет. Раз все общее, я не против поделится с другими девушками одеждой, - ответила я, - только не думаю, что она

многим подойдет по размеру.

Я кивнула на толстуху, которая крутила в руках юбку, которая разве ей налезет на одно бедро.

Старуха фыркнула.

- Это Нейла. Наша швея. Можешь не волноваться за нее. Она найдет применение твоим жалким вещам и приведет их в подобающий этому месту вид. А сейчас иди за мной.

Старуха привела меня в длинное, полутемное помещение. Вдоль голых каменных стен стояли аккуратно заправленные кровати. Кругом не было ни души.

- Здесь спишь. Обедаешь по звону колокола. А сейчас все на послушаниях. Работают, - пояснила старуха. - Если хочешь выжить здесь - забудь о своей прошлой жизни. Здесь ты никто. И должна трудиться, как все.

Ее цепкий взгляд скользнул по мне с головы до ног, задерживаясь на слишком тонких запястьях и впалых щеках.

- Худая, как щепка... - прошипела она с презрением. - И, наверняка еще и брюхатая. Не иначе, за это и сослали.

Я непроизвольно прижала ладони к животу, словно пытаюсь защитить крошечную жизнь от этого равнодушного голоса.

- Ручки нежные, - продолжала она, с насмешкой тыча костлявым пальцем в мою ладонь. - Вся такая, будто цветочек тепличный. И что с тобой делать? - Старуха скривила губы. - Магией какой владеешь? В ваших «высших» семьях обычно чему-то да учат.

Я покачала головой. Если и был во мне дар, то я об этом не знала. По смутным воспоминаниям Арделии, отец говорил, что магия только для мужчин. А женщина должна домом заниматься, а не баловством всяким.

- Нет. Никакой магией не владею, - сказала я.

- Гм. Ладно. Значит, только на черную работу и годишься. В углу умывальник. Приведи себя в порядок и иди за мной.

- Есть ли у вас лекарь осмотреть мою рану? – я приложила руку к разбитому виску.

- Нечего ее по такой малости тревожить. Умойся. Этого будет довольно.

Я скрипнула зубами. Зачерпнула пригоршню холодной воды и умылась. Обильно полила на рану. Жаль, нет зеркала, чтобы увидеть себя. Но на ощупь рана не была большой. Скорее глубокая ссадина, которая уже покрылась заживляющей пленкой.

Старуха поволокла меня по каменным коридорам. Я едва поспевала, спотыкаясь о грубые плиты пола. Мы спустились по узкой винтовой лестнице, и в нос ударил едкий запах щелока.

Мы вошли в огромное помещение жаркое помещение. В центре пылали два камина, над которыми кипели чаны с водой. Несколько девушек в серых, мокрых от пота и пара платьях, молча перетаскивали тяжелые корзины с бельем.

- Новенькая! - крикнула старуха и все взгляды, как один, устремились на меня. - Зовут... а как тебя, вообще, зовут?

- Арделия, - выдохнула я.

- Будешь коротко – Делия. Эй, ты! - она грубо толкнула меня в сторону к одной из девушек, высокой и крепкой, с лицом, покрытым испариной. - Лора, покажешь ей, что делать.

Лора равнодушно кивнула. Старуха, бросив на меня последний оценивающий взгляд, удалилась.

- Бери, - Лора ткнула пальцем в огромную корзину с грязным бельем. - Таскай к чанам. Потом помогай полоскать.

Я неуверенно шагнула к корзине и попыталась ее сдвинуть. Она не поддавалась. Слишком тяжелая для меня.

- Эй, Цветочек, ты что, никогда работы не видела? - раздался насмешливый голос сбоку.

Я обернулась. Рыжеволосая девушка с острым взглядом и веснушками на носу смотрела на меня с открытой неприязнью.

- Оставь ее, Ильма, - безразлично сказала Лора. - Все мы здесь не от хорошей жизни.

- А я что? Я ничего, - фыркнула Ильма, но взялась за другую сторону корзины. Мы с трудом потащили ее к чанам. Жар от огня был невыносимым. Я почувствовала, как кружится голова.

- Держись, - тихо прошептала мне третья девушка, хрупкая и бледная, когда мы проходили мимо. - Первый день - самый тяжелый.

- Спасибо, - прошептала я в ответ.

Весь день превратился в адский кошмар. Пар обжигал ли-

цо, тяжелая мокрая ткань рвала ладони в кровь, а спина горела огнем. Я молча терпела, стиснув зубы, думая только об одном. Я должна выжить. И найти способ выбраться из этого ада.

Когда прозвучал колокол, возвещающий об окончании работ, я, шатаясь, поплелась за всеми в комнату. Руки дрожали, а на ладонях краснели кровавые волдыри.

В комнате девушки молча расходились по своим кроватям. Ильма бросила на меня колкий взгляд.

- Смотри, Цветочек, не залей слезами подушку. Здесь плакать запрещено. Грех.

Я не удостоила её ответом, просто рухнула на кровать. Хрупкая девушка, что поддержала меня днем, тихо под села рядом.

- Не слушай Ильму. Она злая, потому что ее сюда муж за измену сдал, - она кивнула в сторону рыжей. - Меня зовут Стефания. Фани. Вот, держи, - она сунула мне в руку маленький кусочек чистой ткани. - Обмотай ладони. Завтра будет легче.

- Спасибо, - поблагодарила я. Фани встала, собираясь уйти, но я удержала ее за руку.

- Подожди. А у тех, у кого есть магия... они чем занимаются?

Доргие читатели!

Новинка нашего литмоба ждет вашего внимания

Отверженная жена. Мачеха для детей генерала
<https://litnet.com/shrt/J854>

- С теми, в ком есть искра, всё иначе, - Фани присела на край моей кровати, понизив голос. - Их не отправляют на тяжелую работу. Они работают в травяном саду, помогают в лазарете, изучают руны в скриптории. Если девушка умеет читать и писать, а за её пребывание в обители уплачено, она может заниматься ведением приходных книг или перепиской свитков из библиотеки

Фанни посмотрела на меня с жалостью.

- А кто без искры... тем плохо. Работают до изнеможения. Если только род не купит ей место в обители богатым даром или золотом.

Я хмыкнула.

Вспомнила брезгливое лицо отца Арделии, когда он узнал о позоре.
Он отвернулся, будто она заразная.

Откупаться за «распутную дочь» он точно не станет. Он и медяка не даст.

А если бы...

Если бы во мне и правда оказалась искра? Хоть капля. Тогда я могла бы выжить.

- А как понять, есть ли она? - спросила я.

Фани моргнула.

- Что? Искра?

- Ну, магия. В человеке. Как узнать, есть ли она вообще?

Фани пожала плечами.

- Это от рода зависит. Если в роду были маги - может проявиться. У меня точно нет. Я дочь булочника.

- А как ты здесь оказалась?

- Сама пришла, - Фани напряглась, стиснув руки. - Отец умер, а мачеха вскоре вышла замуж за другого. Этот... её новый муж, гад настоящий, стал ко мне приставать. Однажды пытался поцеловать, а мачеха увидела. Устроила скандал и выкинула меня из дома. Ещё и ославил на всю округу, беспутной называла. Из-за этого я работу найти не смогла. Вот и пришла сюда. Здесь хоть крыша над головой. И еда.

- Даа... - протянула я, - ну и стерва твоя мачеха. Я бы её...

- Что - прибила бы? - хихикнула Фани.

Я кивнула.

- Или хотя бы напоила слабительным, чтоб неделю с горшка не встала.

Мы обе тихо рассмеялись. Первый раз за день.

Потом Фани посерьёзнела.

- Здесь можно жить. Если не высовываться и слушаться настоятельницу. Хотя

тебе будет тяжело. Ты ведь правда ждёшь ребёнка?

Я опустила взгляд.

- Да. Только он никому не нужен... кроме меня. А когда он родится, мне разрешат его оставить? - спохватилась я.

Фанни покачала головой:

- Отправят в приют. Но если бы у тебя была искра... Или

род заплатил - тогда ребёнка бы оставили.

Я сжала руки на животе.

Нет, я не позволю. Я не отдам своего ребёнка никому.

Никогда.

Когда Фани ушла спать, я ещё долго лежала, глядя в потолок. Зажмурилась, пытаюсь выудить из ключев памяти Арделии что-то важное.

В памяти смутно проступил образ юноши. Высокий, стройный, с серьёзным взглядом. Брат Арделии Отец гордился им, нанимал лучших учителей.

«Из него выйдет толк», - повторял он с гордостью.

Значит, и у меня должна быть искра. Только нужно её пробудить.

Я закрыла глаза, пытаюсь уловить хоть отголосок чего-то необычного внутри себя. Ничего. Лишь биение сердца, да шум крови в ушах.

- Фанни, - прошептала я. Повернулась лицом к девушке. Она спала совсем рядом на соседней кровати, - а как пробуждают магию? Что нужно делать?

Фанни зевнула и проговорила сонным голосом:

- Говорят, у кого есть дар он сам проявляется. В момент опасности. Или через ритуалы, но их только жрецы знают.

Я прикусила нижнюю губу. В опасности я уже была, но ничего не произошло. Жрецов мне и подавно не найти. Да и не будут они возится с девушкой со скандальной репутацией.

А что если...

- Фанни! А как выглядит магия?

Но вместо Фани из темноты прозвучал другой, сиплый и раздраженный голос:

- Хватит болтать! Спать мешаете. А то я все доложу настоятельница...

Я замолчала. Перевернулась на другой бок, уставившись в стену.

А в голове отчаянно крутилась мысль:

«А что, если вместо искры показать свои знания. Пожалуй, это может сойти за магию...»

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в новиночку нашего литмоба

(Не)нужная истинная генерала

<https://litnet.com/shrt/bxOB>

Дни потянулись серой чередой. Я заметила, что многие девушки опустились. Ходили неопрятные. Серые чепцы на головах, из-под которых торчали сальные пряди волос. Потухший взгляд.

«Все признаки депрессии» - констатировала я.

Но были и другие. Озлобленные. Которые цеплялись ко всем и по каждому пустячному поводу.

Например Ильма. Я частенько наблюдала у нее злорадную улыбку, когда кто-то не выдерживал и начинал плакать, жалуюсь на жизнь.

Меня она невзлюбила с первого дня. Я удостаивалась кучи насмешек, когда утром поднималась с постели и первым делом принималась за свои туалет. Тщательно умывалась, обтирала грудь и подмышки. Полоскала рот, мысленно прикидывая, что можно использовать вместо зубной щетки.

Мой сундук с вещами мне все же вернули, изрядно потрепанный. Но гребень для волос и мешочек со шпильками был на месте.

Я ощупывала пальцами рану на голове, прежде чем заплести волосы. Уплотнения не было. Засохшая корочка под пальцами. Жаль нет зеркала, чтобы внимательно разглядеть. Меня интересовала не столько рана, но и собственная внешность.

Какая я? Интересно, похожа на себя прежнюю? В прошлой жизни красавицей себя не считала. Скорее миловидной. Замуж вышла рано. А кроме мужа больше в моей жизни мужчин и не было.

Утро начиналось с похода в трапезную. Всех ждали миски с жидкой кашей и ломоть серого хлеба.

Потом на работы. Мне выдали грубое платье и деревянные башмаки, в которых невозможно было идти без звука - цок-цок по каменным плитам.

Я наблюдала, искала лазейку, возможность проявить себя. И однажды судьба предоставило мне шанс.

В прачечной стоял привычный адский жар. Ильма, как всегда раздраженная, сняла с крючка котел с только что вскипевшей водой. Поставила на пол.

- Эй ты, - крикнула она мне, - неси простыни. И щелок. Что застыла!

Я подала ей кувшин с щелоком. Ильма протянула руку. Но вдруг не удержалась. Поскользнулась на мокром полу. С коротким криком она рухнула прямо на котел. Тот опрокинулся, заливая ей ноги.

Грохот, шипение, и тут же пронзительный, животный вопль, от которого кровь стынет в жилах.

На секунду все замерли в оцепенении. А потом как по команде, все девушки в ужасе отпрянули, столпившись у дальней стены. Они смотрели на корчащуюся от боли Ильму с онемевшими лицами. Кто-то молился, кто-то плакал. Никто

не сделал ни шага вперёд.

Никто, кроме меня.

Мой разум отключился. Включился автопилот медицинского работника, видящего пациента в состоянии острого болевого шока.

Я, не думая о прошлых обидах, резко рванулась вперёд и рухнула на колени рядом с ней. Вокруг стоял запах палёной кожи.

- Воды! Холодной! Сейчас же! – крикнула я.

Я схватила Ильму за руку и глядя прямо в её затуманенные болью глаза, твёрдо сказала:

- Смотри на меня. Дыши. Все будет хорошо. Но сейчас нужно слушаться меня, поняла?

Она, рыдая, кивнула.

Я приподняла её ноги, осторожно опустила в лохань с холодной водой, которую кто-то наконец принёс.

- Держи так. Не вытаскивай, сколько сможешь, - приказала я. - Холод остановит углубление ожога, снимет жар.

Ильма вскрикнула, но не отстранилась. Я видела, как её пальцы судорожно заскребли по полу.

Когда кожа немного остыла, я аккуратно промокнула её чистым полотном. Взгляд скользнул по красно-багровым участкам, вздувающимся пузырям.

«Вторая степень, местами третья... Ожог обширный, риск инфицирования крайне высок...»

Теперь нужно предотвратить попадание инфекции. Но у

меня ничего не было. Ни антисептиков, ни мазей.

И тут я вспомнила. В углу прачечной, среди хлама, я видела старый мешок с золой из печи.

- Золой! Быстро!

Мне принесли. Я, не объясняя, смешала золу с небольшим количеством воды. Нанесла тонким слоем.

- Это защитит от грязи, - пояснила я Ильме, видя её испуганный взгляд. - Но ненадолго. Нужно перевязать.

В этот момент в прачечную ворвалась запыхавшаяся сестра-лекарка.

- Что тут случилось? Дорогу! - Она склонилась над Ильмой, её лицо вытянулось. - Боже правый... Такие раны... Это надолго. Могут и не зажить.

Она уже тянулась за своим мешочком с травами, чтобы наложить какую-то припарку, но Ильма внезапно перестала рыдать. Она с изумлением смотрела на свои ноги.

- Боль... - прошептала она, и в её голосе было недоумение. - Боль уходит... Жжёт, но не так... Словно холодком повеяло...

Лекарка подняла на меня испытующий взгляд. Все присутствующие замерли, глядя то на успокоившуюся Ильму, то на меня.

И тут Фанни громко воскликнула:

- Это же искра! Магия исцеления!

Меня привели к настоятельнице. Я видела ее несколько раз мельком. Дородная женщина средних лет с жестким лицом. Рядом с ней всегда вертелась та старуха, что встретила меня у ворот. Сестра Беатрисса. Но между собой девочки прозвали ее – крыса. За длинный нос и что всегда лезла не в свое дело.

- В тебе и правда есть искра? – спросила настоятельница, поджав губы.

- Да. Я почувствовала ее, как прибыла в ваш монастырь. Мне открылись сокровенные знания по лекарскому искусству.

Я скромно потупила взгляд.

Настоятельница усмехнулась. Так, что сразу было понятно, что не поверила ни слову.

- И как ты еще можешь это доказать?

Я понимала, что нужен железный аргумент. И тут я приоткрыла рот, чтобы сказать, что не ошиблась.

Лёгкая, едва заметная асимметрия лица, привычка чуть прищуривать правый глаз. Незаметно скрестила пальцы, надеясь, что не ошиблась.

- Я вижу, что вы страдаете от головных болей, - заявила я, продолжая сверлить взглядом пол, - Чаще с правой стороны. От виска до затылка. Свет и громкие звуки их усиливают. И

хуже всего они по утрам.

В комнате повисла гробовая тишина. Сестра Беатрисса-крыса замерла с открытым ртом. Лицо настоятельницы стало непроницаемым, но в её глазах мелькнуло изумление. Никто, кроме неё самой, не мог знать об этом.

- Кто... - она начала и осеклась, понимая бессмысленность вопроса.

- Искра открыла мне знание, - повторила я мягко. - Позвольте мне быть полезной. В лазарете.

Настоятельница медленно кивнула, её взгляд стал оценивающим, но уже без прежней неприязни.

- Хорошо. С сегодняшнего дня ты будешь помощницей сестры Берты. На послушании. Не справишься - вернёшься в прачечную. Навсегда.

Моя жизнь изменилась в один миг. Грубое платье сменилось на простое из шерсти с белоснежным передником, а деревянные башмаки - на мягкие туфли.

Лазарет оказался тихой, пахнувшей травами комнатой с несколькими кроватями.

Мне наказали ухаживать за Ильмой. Под моим присмотром её ожоги заживали на глазах, без нагноений и лихорадки. Я готовила отвары и меняла повязки на ее обожженных ногах. И удостоилась даже – «Спасибо» сквозь зубы.

Фанни видела меня теперь реже. Мы встречались в трапезной и могли перекинуться несколькими словами. Она радовалась переменам в моей жизни больше меня самой:

- Тебя взяли к лекарке! Это же чудо! – шептала она, сияя.

- Как будет возможность, я и для тебя местечко найду, - пообещала я девушке.

Однажды вечером, когда мы с сестрой Бертой разбирали сушёные травы, она негромко спросила:

- Ты ждёшь ребёнка.

Это было не вопрос, а утверждение. Я вздрогнула.

- Да... Откуда вы узнали? Ещё совсем не заметно.

- Я чувствую такие вещи, — она улыбнулась, и её лицо внезапно помолодело. - Хочешь, скажу, кто будет?

Сердце ёкнуло. Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Берта велела мне лечь на кушетку. Её тёплая ладонь легла поверх моего живота. Она закрыла глаза, вмиг уйдя в себя.

- Девочка, - тихо сказала она, открывая глаза. - Сильная и упрямая как ты.

Девочка. У меня забилося сердце.

У меня будет дочь!

- Мне нужно остаться с ней, - вырвалось у меня, и я вцепилась в рукав её платья. - Что мне сделать? Умоляю, скажите!

Берта внимательно посмотрела на меня.

- Быть полезной. Незаменимой. И не перечить настоятельнице. - Она помолчала, глядя в окно. - Когда-то... я тоже родила здесь дочь. Ей позволили жить со мной несколько лет. Но потом пришлось её отправить в школу при соседнем монастыре. Там учат грамоте, рукоделию, основам лекарского дела. Сейчас она взрослая. Вышла замуж. Иногда навещает

меня.

- А вы... - я осторожно спросила, - вы не хотели бы уйти отсюда?

Горькая улыбка тронула губы Берты.

- Мое место здесь. Моя семья от меня отказалась. Мой отец собирался выдать меня за старого, богатого вдовца. А я... я сбежала со слугой моего отца. Фредериком. Любила его. И он меня. Потом нас поймали. Меня - сюда. А его привязали к позорному столбу, жестоко избили розгами и отправили в солдаты. Я прожила здесь несколько месяцев в отчаянии. А потом... родила дочь. Мне позволили оставить её за то, что избавила прежнюю настоятельницу от боли в ногах.

Берта серьезно взглянула на меня.

- Вот так и живу. Лечу других и чувствую себя полезной. И ты должна стать такой же.

Я очень старалась. Хотя в таких условиях проявить свои знания было тяжело, когда под рукой нет ни таблеток, ни тонометра измерить давление. Хуже стало зимой, когда на монастырь обрушился вирус.

Я попросила швею сшить всем повязки на лицо, а при первых симптомах заболевания отселяла сестер в отдельную комнату. Выпросила себе в помощь Фани, так как беременность протекала тяжело и отнимала много сил.

Пришлось же мне повоевать с настоятельницей. Но толк был. Заболеваемость быстро спала и в эту зиму мы не потеряли ни одну из сестер.

Весной я родила. Мою сильную, голосистую девочку. Я назвала её Лилианой за хрупкость и невероятную волю к жизни, которую она показала, появившись на свет.

Через неделю после родов настоятельница вызвала меня к себе. Я шла с гулко стучащим сердцем, прижимая дочку к груди. В голове билась одна мысль: «Если отнимут мою крошку - сбегу в тот же день. И плевать, что нет денег. Проживём как-нибудь».

Я вошла в келью, готовая к бою. Настоятельница сидела за своим столом, её лицо, как всегда, было недовольным.

- Ну что, - начала она, окидывая меня холодным взглядом, - родила. Девочку, я слышала.

- Да, матушка, - мой голос прозвучал хрипло. Я обнимала Лилию так сильно, что та захныкала.

- Успокой её, - брезгливо поморщилась настоятельница. - Шум и крики мне не нужны.

Я начала тихо покачивать дочь на руках, не сводя с настоятельницы глаз, словно с хищницы, готовой к прыжку.

- Ты... проявила усердие зимой, - нехотя произнесла она. - Сестра Берта говорит, ты способная. И монастырь обязан тебе несколькими спасёнными жизнями.

Она помолчала, давая мне прочувствовать вес этих слов.

- Ребёнка... ты можешь оставить при себе. Пока.

Воздух застрял у меня в лёгких. Я была готова расплакаться от счастья.

- Но, - настоятельница подняла палец, - смотри мне. Де-

вочка не должна доставлять хлопот. Она не будет бегать по коридорам, пугать сестёр, мешать молитвам. Ты будешь следить за ней сама. Если я услышу хоть одну жалобу... если твоя дочь станет обузой для обители, её немедленно отправят в приют. Ты поняла меня?

- Я поняла, матушка, - выдохнула я, и слёзы благодарности и облегчения выступили у меня на глазах. - Она не доставит хлопот. Я обещаю.

- Хорошо. Можешь идти.

Я вышла из кельи, прижимая к себе своё спящее, тёплое сокровище. Вернулась в свою комнату и покормила свою крошку. Уложила спать в плетеную корзину, что заменяла ей кроватку. Когда она засопела, осторожно приподняла край покрывала, посмотрела на её крошечное личико, на пухлые щёчки, на реснички, подрагивающие во сне.

«Я справлюсь, - подумала я. - Мы справимся».

А среди ночи этот покой взорвался оглушительным, требовательным криком. Лиля проснулась. Голодная, мокрая, и не желающая больше терпеть. Её плач, казалось, сотрясал стены обители.

Я вскочила, зажигая свечу дрожащими руками, пытаюсь успокоить её, боясь разбудить всех в округе. И тут до меня дошла вся глубина ультиматума настоятельницы.

«Ни единого крика... ни одной жалобы...»

Дорогие читатели!

Хочу вас познакомить с классной новиночкой нашего литмоба

Развод с генералом. (не) счастье для попаданки
<https://litnet.com/shrt/iPlI>

5 лет спустя

- Арделия! Живо к настоятельнице! – разнесся с порога громовой голос сестры Беатриссы.

Мы с Фанни переглянулись. Я отложила в сторону ступку, в которой растирала в кашу листья толокнянки. Быстро огляделась в поисках Лили. Кажется, она еще пять минут назад была здесь. Вот её доска на полу, разрисованная до невозможности, рядом уголек. Но самой художницы - ни следа.

- Иди, - подтолкнула меня Фани, - не зли ее.

Я коротко кивнула и вытерев руки, помчалась в комнату к настоятельнице.

Пока шла, сестра Беатрисса со злорадством поведала, что Лиля нарисовала всем статуям непорочных дев, украшающих двор, усы и бороду.

- Я ей вчера сказку рассказывала. Про воителя, спасшего принцессу. У него усы были. И борода, - вздохнула я.

Только мои оправдания настоятельницу вряд ли устроят.

Я вошла в ее комнату. Настоятельница сидела в кресле с грозным видом, а у ее ног на коленях стояла Лиля. Поджала губки и непримиримо сверкала глазами из-под насупленных бровей.

- Я больше не могу закрывать на это глаза, Арделия! - го-

лос настоятельницы прогремел под сводами. - Она бежит, шумит, а теперь ещё и это... она испортила лица! Девам! Тем, кто основал эту обитель!

Я кинула укоризненный взгляд на притихшую дочку. Надеюсь сами девы не в обиде за такую шутку, вот только настоятельница художества вряд ли оценит.

- Понимаю. Простите. Я поговорю с ней. Обещаю, что все девы вновь будут кристально чисты.

- Это была последняя капля. Еще одна выходка и твоя дочь отправится в приют. Раз ты не можешь справиться с ней.

Я стиснула зубы. Лиля росла на редкость озорным и подвижным ребенком. Мне составляла большого труда усадить ее за стул и заставить что-то делать.

Я налила в чашку воды и оторвала кусок тряпки. Мы оттирали статуи вместе. Лилия стояла на возвышении, тёрла тряпкой каменные лица с виноватым видом. Чёрные угольные усы постепенно исчезали.

- Я просто хотела, чтобы они стали воителями, - тихо сказала она.

Я присела рядом, взяла её маленькие ручки в свои:

- Знаю, солнышко. Но здесь свои правила. Если ты будешь их нарушать, нас могут разлучить. Ты же не хочешь остаться без меня?

Она резко мотнула головой, прижалась ко мне.

- Никогда!

- Тогда давай договоримся: никаких шалостей в неположенных местах. А если хочется рисовать - попроси у сестры Алии пергамент. Хорошо?

- Хорошо... - прошептала моя малышка.

Мы обнялись, и я уже хотела добавить что-то успокаивающее, чувствуя, как дрожит тельце Лили под моими руками. Как вдруг послышался топот бегущих ног. Во двор влетела одна из сестер.

- Делия... срочно в лекарскую. Там привезли...

- Кого? – спросила я, поднимаясь на ноги.

Сестра сглотнула и сказала шёпотом, будто призналась в смертном грехе:

- Мужчину...

Мужчину? В монастырь? Это было немыслимо.

Мы бросились к лекарской.

У входа в лазарет столпились человек десять в потрёпанной, но добротной военной форме. Один из них, молодой парень с забинтованной рукой, свистнул, увидев меня:

- Смотрите-ка, какая красotka в этой глуши завелась!

Я резче обычного потянула Лилину руку, прижимая её к себе. В этот момент к толпе подошла настоятельница, её лицо было темнее грозовой тучи.

- Вон отсюда! Все! Я согласилась принять лишь вашего генерала. Остальные - за ворота!

«Генерал, значит», - мысленно усмехнулась я, переступая порог.

Он лежал на кровати, занимая её всю. Широкоплечий. Взъерошенный. Мундир разорван, грудь едва вздымается. На бедре глубокая рана, ткань вокруг которой насквозь пропиталась кровью.

Над ним, хмурясь, склонилась сестра Берта.

Лилия потянула меня за рукав. Звонко спросила:

- Мама, а кто такой генерал?

Я не успела ответить. Мужчина приоткрыл глаза - серые, глубокие, как омут и хрипло произнёс:

- Генерал - это тот, кто ведёт войско в бой. И возвращается с трофеями.

Он попытался улыбнуться, но тут же поморщился от боли.

- Только в этот раз трофеем оказался я сам.

Берта подняла на меня взгляд:

- Поможешь? Рана глубокая, а я одна не справлюсь.

Я кивнула, засучивая рукава.

- Конечно.

Пока я мыла руки в тазу с травяным настоем, Лилия тихо спросила:

- Мама, он поправится?

Я глянула на раненого. Бледный. Челюсть сжата, будто он держится только на упорстве и гордости. Руки сильные, но пальцы дрожат.

- Если будет слушаться, - ответила я. - Генералы, знаешь ли, любят командовать. А тут придётся подчиняться.

Уголок его губ дрогнул в подобии улыбки.

- Похоже, команды уже отдаю не я...

- Вот и отлично, - я подошла к кровати, мои пальцы уже сами искали пульс на его запястье. - Тогда начнём.

Дорогие читатели!

Увлекательная история нашего литмоба ждет вас

Падший ангел для генерала от Арины Тепловой

<https://litnet.com/shrt/7-GB>

Рана такая, что жутко смотреть. Рваная дыра с воспалёнными, багровыми краями, будто чья-то пасть вырвала из бедра кусок плоти. На груди - глубокие царапины, идущие до самых рёбер.

Дикая кошка? Мне приходилось видеть ее тушу. Огромная, с торчащими из пасти клыками. Кошкой там и не пахнет, скорее рысь, только крупнее. Они сбиваются в стаи и нападают на одиноких путников.

Только генерал был не один. С ним отряд из опытных бойцов. Так как такое могло произойти?

- Берта, ты дала ему настой морника? – тихонько спросила. Из вытяжки этой травы и ягод получалось хорошее обезболивающее и снотворное.

- Давала, - шепнула в ответ Берта, кивнув в сторону пустого стакана.

Так почему же он не спит? Обычно хватало десяти минут, чтобы человек провалился в крепкий сон. А этот только скрипит зубами от боли и тарашится на меня. Жаль нет времени приготовить еще один настой.

- Я сейчас буду шить рану. Будет больно, - предупредила, глядя в его затуманенные болью и лихорадкой глаза.

Тот лишь сильнее сжал челюсть.

Я взяла заранее приготовленную иглу с льняной нитью.

Стянула края раны, примериваясь сделать первый стежок.

- Держите его, - попросила я БERTУ, и та крепко прижала его плечи.

Первый стежок. Тело напряглось, как тетива, из горла вырвался сдавленный стон. Я продолжила, стараясь дышать ровно - стежок за стежком, стягивая разорванную плоть.

Мужчина хрипло стонал сквозь сомкнутые губы. Ладони вцепились в края кровати.

И тут подбежала Лиля. Не говоря ни слова, она положила свою маленькую ладошку поверх его большой, сжатой в кулак.

- Больно? - прошептала она. - Хочешь, я тебе песенку спою?

Я уже открыла рот, чтобы отослать её, но мужчина медленно повернул голову. Кивнул. Едва заметно криво улыбнулся.

- Спой, - хрипло выдохнул он.

Лиля запела нашу с ней колыбельную. Которой я укладывала ее спать.

- Смотри, - БЕРТА толкнула меня локтем.

Его веки медленно опустились. Под мерный напев дочки он ушёл в забытие, позволив мне закончить работу.

«Умница», - одними губами сказала я, глядя на дочку.

Вечером я принесла ему бульон. Помогла приподняться и подала кружку. Мужчина пил маленькими глотками, время от времени бросая на меня взгляд. Такой, что сделалась

неуютно. Словно меня сканируют и пытаются залезть в душу. Поэтому просто молча стояла рядом, сверля стену над его головой.

- Благодарю, - произнес он, отдавая мне кружку. Пальцы невольно задели мои, обжигая прикосновением.

- Мне нужно осмотреть вас, - произнесла, избегая встретиться с ним взглядом. Как юная девчонка почувствовала смущение от столь пристального внимания.

Я склонилась, поправляя сбившуюся повязку на груди, касаясь напряженных мышц.

- Ты давно здесь? – слышался его низкий чуть хриловатый голос.

- Пять лет.

- И не думала сбежать?

Он медленно, лениво, будто так и должно быть... провёл пальцами по моему бедру. Сминая ткань платья.

Как человек, который всегда берёт то, что хочет.

Я ударила его по руке, отбрасывая в сторону.

- Что вы себе позволяете?!

Он даже не моргнул.

- Хочу привезти домой трофей, - его губы дрогнули в полуулыбке. - Я мог бы забрать тебя. И девочку.

Я вздернула вверх брови поражаясь его наглости. Хотела бы списать все на бред, но глаза слишком ясно следили за каждым моим жестом.

- Куда же? - холодно поинтересовалась я, скрестив руки

на груди.

- В свой замок. Я не обижу. Ни тебя, ни её.

- И кем я буду в вашем замке, генерал? – ядовито прозвучал мой голос. А он словно и не заметил моего сарказма.

Смотрел так, словно я уже принадлежала ему. Вся. Без остатка.

- Я не женат. И не планирую. Но от такой женщины... не отказался бы.

В комнате вдруг стало душно.

- В твоём положении рассчитывать на хорошего мужа было бы глупо. Или ты хочешь провести всю жизнь за этими стенами? Я мог бы забрать тебя. Вас. Вы ни в чем не будете нуждаться. Подумай хорошенько. Мм?

Нутро заполнила проклятая гордость. Я рассмеялась резко, почти зло:

- Мне это, - выдохнула я, отступая к двери, - не подходит. Катитесь вы со своим «великодушным» предложением к чёрту, генерал!

Я резко развернулась и вышла, громко хлопнув дверью.

Дорогие читатели!

Прекрасная история нашего литмоба ждет вас

Запретная невеста генерала

<https://litnet.com/shrt/eeTY>

Утром я молча его осматриваю. Немного с опаской. Боюсь вчерашней выходки. Но кажется генерал потерял ко мне интерес. Лишь челюсть дергается, когда я отдираю прилипшую к бедру повязку и обрабатываю рану.

Воспаления нет. Крепкий, однако. Заживает как на собаке.

- Когда я смогу уехать? – спрашивает.

- Да хоть завтра, - отвечаю, не удержавшись от дерзкого взгляда. Он лишь сопит в ответ.

- Рана чистая. Я дам в дорогу заживляющую мазь. На ногу еще не скоро встанете. Задеты мышцы. Но через месяц вполне сможете ходить. С палочкой, - добавляю мстительно.

- Месяц? Невыносимо долго, - он провёл рукой по лицу.

- Не нужно было близко соваться к диким кошкам. Что вы там? Охоту затеяли? Они в это время котятся. Нападают, защищая свое логово. Не понимаю вашей беспечности.

Я отчитала его, как непослушного пациента, и тут же спохватилась. Передо мной не мальчишка, а взрослый, опасный мужчина. Но он лишь прищурился, изучая меня.

- Это была не охота. Просто... так получилось. А ты дерзкая. Совсем не похожа на скромную деву, какой положено быть в обители.

- Просто... так получилось, - возвращаю ему его фразу.

И вдруг снова краснею под его горячим пристальным взглядом. И мне это совсем не нравится. Я привыкла контролировать свои эмоции. А тут просто красивый мужик с явными непристойными намерениями в глазах и тело тут же откликается и предательски дрожит.

- Завтра можете уехать, - повторяю я, - моя помощь больше не требуется.

Выкидываю генерала из головы. Подать горшок и накормить похлебкой сможет Фанни. А если и к ней будет лезть с неприличными предложениями, то нажалуюсь настоятельно. Та хоть и вредная тетка, но за такое поведение выставит его за ворота в два счета.

Вечером интересуюсь у Фанни, как прошло ее общение с генералом.

- Не так страшно, как я боялась, - улыбается она, - вполне учтивый и даже немного стеснительный.

Я недоверчиво фыркаю.

- Попросил приставить ему одного из солдат, чтобы тот помогал ему в нуждах... а еще вот...

Фанни быстро нырнула в карман и вытащила монетку.

- Сказал... за хлопоты. А я всего-то воды для умывания принесла и чашку похлебки. Хотела отказаться, так он мне в руку вложил. Еще и улыбнулся так. Разве такому откажешь, - Фанни мечтательно улыбнулась.

- Откажешь, - пробурчала я.

Все же хорошо, что он завтра уезжает.

Вечером закрутилась. Одна из сестер подвернула ногу, когда спускалась по ступеням. Споткнулась и неудачно ступила со ступеньки вниз. Ступня распухла и от боли встать не может на ногу.

Я ощупала ступню. Попросила принести камни, что устилают дно ключевого ручья. Они ледяные, так что руки подрагивают от холода, пока я заворачиваю их в тряпицу. Прикладываю к распухшей ступне. Пока сестра охает и скулит от боли, завариваю обезболивающий сбор. За ручьем нахожу листья лапчатника. Немного мну, чтобы появился сок. Потом бережно прикладываю к ступне.

- Завтра сможешь наступать на ногу, - успокаиваю зареванную девушку. А та больше беспокоится, что настоящая-ница рассердится за невыполненную работу. Вот глупышка. Главное, чтобы связки были целые, иначе долго маяться с ногой придется.

Возвращаюсь в свою комнату. Лили нет. А ведь обещала никуда не выходить и лечь пораньше в постель.

Забегая в комнату сестры Берты. Они с Фанни перебирают ветошь, сортируя на бинты и тряпки. На вопрос о Лили, скидываю недоуменный взгляд.

- Только тут была. Я еще велела ей в постель ложиться, - дрожат у Фанни губы.

- Я поищу ее. Не могла она никуда далеко убежать, - говорю и тут же выхожу из комнаты. Сердце тревожно бьется в груди. Ну где же ты, моя стрекоза?

Кругом тишина. Обитель готовится ко сну. Лиля знает, что в это время нельзя бегать по коридорам. Днем тоже нельзя, но сестры покрывают мою неутомимую стрекозу. Иначе бы настоятельница давно бы ее в приют отправила.

Везде темно, только в целительской мерцает в окне огонек свечи. Генерал не спит.

Повинуясь внутреннему порыву, вхожу в лазарет. Тихонько, на цыпочках. Чтобы не выдать своего присутствия.

Подхожу к комнате, где лежит генерал. Дверь не до конца прикрыта. И как удар по нервам – облегчение и злость – слышу беззаботный голосок.

- Рассказать тебе сказку?

- Расскажи, - соглашается мужской голос.

- Про принцессу и воителя. Ты тоже воитель? А почему у тебя нет усов и бороды?

Слышится его грудной смех. Я возвожу очи к небу. Решительно распахиваю дверь.

Лили сидит на краю его кровати, болтая ногами. А он лежит, подперев голову рукой, и слушает с полуулыбкой. Увидев меня, дочка радостно замахала.

- Мама! Я рассказываю дяде-генералу сказку про принцессу...

- Чудесно, - резко выдыхаю я, - но тебе пора возвращаться. Ты должна быть в своей кроватке. Ну почему ты не слушаешься меня?

- Зачем вы так? – мужчина укоризненно посмотрел на ме-

ня, - мне она совершенно не мешает.

- Лили должна слушаться меня. Иначе... впрочем, не важно. Ну же, пойдём... - я грозно свела брови и протянула Лили руку.

Та посмотрела на мужчину, обиженно выпятив губу. Явно ища поддержки.

- Иди, - шепнул он ей, - я завтра пришлю тебе из города подарок.

- Ты уедешь? Навсегда? И мы больше никогда не увидимся?

- Это не от меня зависит, - хитрый взгляд в мою сторону, - но знай, ты самая красивая девочка, какую я видел...

- Правда? – глазенки моей девочки вспыхивают.

- Хватит! – прочеканила я. Взяла дочурку за руку и силой оттащила от постели, - не нужно всего этого. Голову забивать глупостями. И подарков не нужно.

- Это мое право...

- Ваше право? – я хмыкнула, - вот будут у вас свои дети и можете воспитывать их как пожелаете. А мою не трогайте.

Не сказав больше ни слова, взяла дочь за руку и увела. Та надулась и не разговаривала со мной. А я всю ночь ворочалась... думала, вдруг и правда слишком резко с моей стороны все было? Но настоятельница все равно бы не передала подарок, так что незачем девочке надеяться. Лучше сразу обрубить.

Утром усадила Лилию помогать Фани перебирать травы в

самой дальней комнате, строго-настрого наказав не отходить от неё ни на шаг.

- А куда ты, мама?

- К сестре Агате. Она вчера ногу подвернула. Нужно проведать.

Осмотр и приготовление лекарств заняли больше времени, чем я думала. Когда возвратилась, было пусто – ни Фанни ни Лили.

Впрочем, Фанни возвратилась через несколько минут. Одна. Жалобно посмотрела на меня, прикусив губу.

- Меня... позвали на минуту. Я просила её посидеть тут тихо... Она обещала...

Неужели опять к генералу убежала? Как хорошо, что он сегодня уезжает!

Я рванулась обратно, к лазарету. Но на моем пути возникла сестра Беатрисса. Её лицо было торжествующим и злоеющим одновременно.

- Делия. Настоятельница требует тебя. Немедленно. И, - она снизошла до шёпота, полного ядовитого удовольствия, - она очень зла!

Дорогие читатели!

Классная история нашего литмоба ждет вас

Работный дом попаданки, или Лопата в помощь!

<https://litnet.com/shrt/2UIy>

Лили! Неужели опять что-то натворила?

Я пробежала мимо белоснежных статуй дев - их лица были чисты, без намёка на усы.

Не это. Тогда что?

Перед дверью настоятельницы я остановилась. Глубоко вздохнула, стиснув пальцы. Что меня там ждет? Понятно, что ничего хорошего. Но вот насколько?

Постучала.

- Войдите, - слышится чопорный голос.

Вошла, тихо прикрыв за собой дверь. Сразу замечаю сидящую на полу Лили. Она сидит, нахохлившись как воробушек и притянув к груди коленки. При виде меня вскидывает глаза. Только в них ни капли раскаяния. Скорее наоборот – своеволие и упрямство. Подавляю горестный вздох.

Напротив – настоятельница, опирается руками на темную поверхность стола. Перед ней кругляш золотой монеты.

- Ты знаешь, что она сделала? - спрашивает без предисловий.

Молча качаю головой.

Настоятельница тычет пальцем в монету.

- Одна из сестер заметила ее у твоей дочери. Та пыталась ее спрятать. Зарыть в землю у кривой сосны. А когда сестра попыталась забрать монету, то твоя дочь, как звереныш,

укусила ее в руку.

- Это моя монета, - раздается тихий голос Лили.

- Откуда она у тебя, солнышко? – спросила, подходя к дочери. Та резво вскочила и обвила ручками мои колени.

- Воитель дал, - прошептала она, - сказал... на пряник.

- Какой воитель? – не поняла я, - Аа... тот мужчина... генерал?

Лили кивнула, запрокидывая голову.

- Ложь! – выдохнула настоятельница, - твою дочь видели, как она выбегала из лазарета. Она украла эту монету у человека, которую приютила наша обитель! Какой позор!

- Она не украла! Если Лилианна утверждает, что он подарил ей монету, у меня нет причин не доверять своей дочери.

Я распрямляюсь, сверля настоятельница яростным взглядом.

- Даже если допустить такую мысль, что он ее подарил... настоятельница делает паузу и с ехидством смотрит на меня, - ты за ним ухаживала, Арделия! Так что это? Плата? Не слишком ли щедрая за лекарские услуги? Или ты позволила себе что-то лишнее?

Я дернулась как от удара.

- Как вы смеете...

- Смею! Я не слепа, Арделия. Мне докладывали, что ты вчера входила в лазарет в неположенное время. После того, как колокол пробил ко сну. Ты, опозоренная, родившая вне брака, позволяешь себе вольности с мужчиной под сводами

обитатели! Я не могу это терпеть!

Ее глаза обвиняюще сверлят меня. Взгляд и поза все говорит о том, что оправдания бессмысленны. Но я все же пытаюсь:

- Я выполняла свой долг лекарки. Ничего более, - чеканю каждое слово, вскидывая вверх подбородок. Но от наплывающей паники начинаю подрагивать пальцы, и я крепче прижимаю к себе Лилу.

- И что, мне теперь с тобой делать? - продолжает она, и её тон становится деловым. - Ты никудышняя мать, Арделия. Ты подумала о будущем своей дочери? Я слишком долго тянула, нужно было сделать это раньше. Чтобы это невинное дитя не выросло лгуньей и... распутной, как её мать.

- Замолчите! - прошипела я. Больше я не могла это слушать.

- Нет, это ты замолчи и выслушай приговор, - она ударила ладонью по столу. Монета подпрыгнула. - Девочка сегодня же будет отправлена в приют. Там её научат смирению, труду и честности. А ты... будешь нести самое тяжёлое послушание, какое я смогу придумать, чтобы выжечь из тебя эту скверну.

«Сегодня же».

Мир сузился до этих двух слов. До бледного, испуганного лица Лили, которая наконец поняла всё.

Я не помню, как вышла от настоятельницы. Я просто бежала, таща за собой дочь, которая спотыкалась и плакала. В

голове стучало одно:

«Приют. Сегодня. Не отдам».

- В комнату! - выдохнула я, запихивая Лили в нашу каморку. - Сиди тут и никуда не выходи!

- Мамочка? Ты куда? – не отпускает она мой подол.

- Я... к воителю, - я наклоняюсь и заглядываю в глаза дочери, - думаешь, он хороший человек? Хотела бы поехать с ним?

- Да, - хлопает в ладони дочь, отпуская мой подол, - он очень хороший.

Нет, он не хороший. Он опасный. И теперь наш единственный шанс

Главное, пусть увезет нас отсюда. Подальше. Ему же нужны лекари? Хотя он явно намекал на другое.

От мысли об этом краснеют щеки и пересыхает во рту.

Боги, как все это унижительно. Я так резко и категорично говорила с ним, а сейчас приползу умолять, чтобы забрал нас с собой.

Но как по-другому покинуть обитель ума не приложу. До города пол дня пути по лесу. С ребенком идти нереально. Но даже если без приключений мы доберемся до города, что делать дальше? У меня не хватит денег даже на самую скромную коморку. И, к своему стыду, я все еще мало знала о мире за стенами обители. Выйти не было возможности. Все мои знания основываются на рассказах Фанни и Берты.

Я несусь к лазарету. И где-то в глубине души трусливо

надеюсь, что он уже уехал. Что не придется унижаться.

Но он все еще в комнате. Полностью одетый. Опирается на костыли, стоя у окна. Примеривается, прежде чем сделать шаг. Рядом с ним старый вояка, подсказывает под руку, как лучше перехватить костыль.

- Генерал!

Он вскидывает голову.

- Мне нужно с вами поговорить. Сейчас, - нервно облизываю губы.

Он смотрит на меня секунду, затем солдату.

- Выйди.

Мы остаёмся одни. Воздух трещит от напряжения.

- Я согласна уехать с вами, - выпаливаю я, - Заберите меня и мою дочь. Прямо сейчас.

Он так долго молчит, окидывая меня нечитаемым взглядом. Каждая секунда тянется, как вечность.

А я готова умереть от унижения. От того, что готова умолять забрать нас. И его затянувшееся молчание – пытка.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в историю нашего литмоба "Опальная невеста генерала"

<https://litnet.com/shrt/eQU4>

Эдриан Гордан

Возвращение домой затянулось, и я был этому почти рад. Не был готов увидеть стены, где когда-то был счастлив и где в один миг всё потерял.

За семь лет боль, казалось, притупилась. Я строил планы, отправлял вперёд обоз с трофеями, чтобы к моему приезду хоть что-то привели в порядок в опустевшем замке.

Я думал, прошлое отпустило. Пока не увидел лекарку.

Демон бы побрал эту женщину.

Когда она подняла глаза - дерзкие, прямые - у меня перехватило дыхание.
Поворот головы. Лёгкая складка между бровями. Манера кусать губы, когда сердится.

Слишком... похожа.

Слишком напоминает мою Дану.

А её дочь, Лилиан... ровнехонько в том возрасте, в каком была наша Ангелика. Словно прошлое решило сыграть со мной злую шутку.

Хорошо, что она отказалась от моего предложения. Не нужно будить спящих демонов в моем сердце. Просто, когда увидел - накрыло. Взбудоражило ароматом женского тела. Знакомым запахом. Показалось – Дана вернулась. Захотелось забрать. Сделать своей. Вернуть то, что что было.

Идиот.

Дану и Ангелику никто не вернет. Прошло семь лет. Пора смириться и жить заново.

Я взял костыли, ненавидя эту беспомощность. Сол, мой старый оруженосец, потянулся помочь.

- Сам! - рявкнул резко.

И в этот миг дверь распахнулась.

Лекарка ворвалась, запыхавшаяся, с лихорадочным румянцем на щеках. Волосы выбились из-под платка.

- Мне нужно с вами поговорить, - хрипло вырвалось у нее.

- Выйди, - кивнул я на дверь Солу.

Уставился на нее. Волосы растрепались, на щеках лихорадочный румянец. Мнется, кусая губы.

И так хочется обнять ее, стереть следы беспокойства с лица. Что у нее там такого важного случилось?

- Я согласна, - выпалила она, и взгляд её стал умоляющим, бездонным. - Ехать с вами. Заберите нас.

Нет.

Минута слабости прошла. Слишком поздно, крошка. Предложения я не повторяю. Да и не место красивой женщине с ребёнком в моём личном аду.

- Нет, - отрезаю, не спуская с нее взгляда.

- Почему? - дрожат ее губы.

Потому что ты не Дана! А на другую я не согласен.

- Передумал. Ты не подходишь. Что ещё? Деньги?

Я достал из кармана горсть монет и грубо вложил ей в ладонь.

- Уходи.

Её глаза расширились от обиды и непонимания. Она что-то хотела сказать, но лишь резко развернулась и выбежала, хлопнув дверью.

А моё тело само собой рванулось за ней. Я сделал неосторожный шаг, костыль соскользнул, и острая боль в бедре вернула меня в реальность.

Но где-то внутри настойчиво зудело – нужно вернуть. Красивая же. А я уже много лет один.

Двигаясь мелкими шагами, выхожу из комнаты. Сол ждет возле раскрытой двери. Придерживает ее для меня. Замечаю в ладони несколько монет.

- Вот дурная девка, - проворчал он, разглядывая монеты в своей ладони. - Швырнула мне эти монеты и умчалась, будто её преследуют.

- Не взяла... - хмыкнул я.

Гордая. Прямо как...

Путь до ворот монастыря кажется вечностью. Ворота открываются, выпуская повозку с груженными бочками. За воротами замечаю ждущих меня солдат. Приветственно машут рукой.

Больше и нет никого. Сестры обходят меня стороной - мужчинам здесь не место. С настоятельницей я уже щедро расплатился за помощь.

Чего тогда я жду?

Не мелькнёт ли на дорожке маленькая фигурка в платии-

це? Не появится ли она сама, чтобы... чтобы что?

Все же зацепила.

И что мне теперь с этим делать? Сделать любовницей, чтобы смыть это наваждение? Да и лекарь в замке всегда пригодится.

Закрываю глаза. Перед внутренним взором лицо лекарки: румянец, дрожащие губы, умоляющий взгляд. Потом Дана. Ангелика. Пустота, оставшаяся после них.

«Она не Дана», - повторяю себе. Но сердце не слушается. Делаю глубокий вдох.

- Сол, - попросил. - Вернись. Найди лекарку. Скажи... скажи, что я согласен. Но пусть поторопится.

Его нет, кажется, целую вечность.

Сол возвращается. Разводит руками. А я жду жадно его слов.

- Не смог найти. Как сквозь землю провалились. Хоть самому беги и обшаривай каждый уголок. В последний раз обернулся, прежде чем выйти.

Что ж. Наверное так будет правильно. Нельзя поддаваться слабости.

Телега тряслась на ухабах так долго, что я начинаю все-рьёз беспокоиться за дочку. Как она там? Не растрясло ли? Не ударилась?

Наконец, мы остановились. Прислушавшись к удаляющимся шагам возницы, я откинула крышку бочки.

Мы были во дворе какого-то постоянного дома. Открыв соседнюю бочку, я вытащила сонную, помятую Лили.

- Как ты, солнышко?

- Кушать хочца, - она зевнула, потирая глаза.

- Сейчас что-нибудь придумаем.

Отошли подальше от телеги с бочками. Вышли за ворота и сразу повеяло ароматом пищи. Впереди яркая вывеска харчевни. В кармане несколько мелких монет. Даже немного жалею, что не взяла те, что дал генерал.

Эх, моя проклятая гордость...

Но он смотрел так, словно я - пыль под ногами. Падшая женщина, полностью потерявшая достоинство.

Но разве не такую он хотел, когда предлагал мне с ним уехать?

Нет, спать я с ним не собиралась. Надеялась, что удастся избежать этой платы, что мои лекарские навыки, усердие, готовность трудиться оправдают моё присутствие. Лечь с мужчиной, к которому не тянется душа, который смотрит на те-

бя как на вещь я была не готова.

Хорошо, что всё сложилось иначе. Телега с бочками из-под жира стала нашим спасением. Я успела сунуть в мешок самое необходимое, быстро поцеловать на прощание ничего не понимающую Фанни.

«Если будет возможность, вернусь за тобой», - мысленно пообещала я. Она достойна лучшей жизни. Иметь свой дом и возможность встретить достойного человека. Создать семью. Родить детей.

Крепко держу Лили за руку. Мы шли по узкой улице и постепенно она становится шире, оживлённее. Я в своём сером платье выглядела бедной неприметной мышью. Косилась на наряды прохожих: шляпки, перчатки, цоканье каблучков по тротуару.

А нам с Лили в наших скромных платьях только милостыню подойдет просить.

- Мама, булочки! - Лили вырвала руку и подбежала к лоточнику.

- Стой! - успела ухватить её за подол, - нельзя убегать от меня.

Но и у меня от аромата рот наполнился слюной.

- Сколько стоит? - спросила торговца.

- Три медяка.

Протянула монеты и купила булочку для Лили. Она откусила и сморщилась от удовольствия. Предлагает попробовать мне.

- А ты почему себе не купила? - спрашивает.

- Я не голодная, - безбожно вру.

На оставшиеся монеты рассчитываю снять хоть какую-то комнатку. Перевести дух. А с утра начать искать работу.

Мы бродим по улицам. Захожу в несколько постоянных дворов - цены такие, что легче переночевать в подворотне. Хотя, если быстро что-то не найду, так и случится.

Мы шли уже довольно долго. Лили клевала носом. Её маленькие башмачки то и дело цеплялись за булыжники мостовой.

Когда в нос ударил запах тушёного мяса и свежего хлеба, желудок болезненно сжался. Перед нами стояла небольшая, выдававшая виды харчевня. Покосившаяся вывеска скрипела на ветру.

"У Дорка".

Название внушало мало оптимизма, но у меня не было ни сил, ни средств выбирать.

Я глубоко вдохнула, и мы вошли внутрь.

Внутри тепло и шумно. Крепкие мужчины за столами, подавальщицы с подносами, посуда звякает.

Хозяин, коренастый, пузатый мужчина с волосатыми руками, поднял голову.

- Ужин. Или комнату? - спросил он, оценивая меня взглядом.

- Нет... - я сглотнула. - Мне нужна работа. На вечер. За ужин и... и возможность переночевать.

Он прищурился.

- Ладно. Сейчас вечерний наплыв. Мойка вон там. Девчонка пусть сидит тихо в углу и не вздумает мешаться под ногами.

Я кивнула.

- Лили, иди посиди там, - я указала на пустой стол у стены.

Дочка сонно залезла на лавку, свесив ноги.

Работа оказалась тяжёлой. Горы жирных тарелок, липкие кружки. Перед закрытием я мыла полы, оттирала пролитое пиво, таскала пустые кружки. Хозяин пару раз хлопнул меня по спине - вроде поддерживающе, но неприятно, словно животное. Но я молчала. Ради Лили молчала.

Меня трясло от усталости. Хотелось только лечь где-то, хоть на полу.

И именно тогда это случилось.

Я даже не заметила, как Лили подошла к стойке - хотела, наверное, помочь. Взять несколько тарелок и отнести на мойку. Задела поднос с самого края с горой немытой посуды.

Грохот.

Миски и кружки разлетелись по полу, осыпая его сотнями осколков.

Лили побледнела и замерла. Я бросилась к ней.

- Прости... - её голос дрогнул. - Я хотела...

- Ничего, - прошептала я и выпрямилась, готовая извиниться перед хозяином.

Но Дорк уже стоял рядом, уперев руки в боки. Лицо крас-

ное и злое.

- Ты знаешь сколько это стоит?! - рявкнул он.

- Я отработаю. Не нужно так кричать, - пытаюсь сохранить спокойствие, чтобы не напугать Лили, ответила я.

На миг он заткнулся. Пробежал по мне сальным липким взглядом.

- Отработаешь, - прошипел он, - Но не в мойке. Дело найдётся поприятнее. И быстрее. Пойдём-ка наверх, обсудим твой... долг. А девчонка тут посидит.

Он протянул руку, собираясь обхватить мою талию.

- Нет.

- Что значит «нет»? - он схватил меня за запястье. - Ты в моём доме. Должна мне кучу денег. Либо платишь, либо...

Я рванулась, но он держал крепко. Лили закричала, вцепилась в его рукав.

- Пустите маму!

- А ну отцепись! - он оттолкнул её.

Дочка упала. Всхлипнула.

В тот же миг что-то во мне лопнуло.

Я ударила. Ногтями. Вцепилась в его жирную щёку и провела, оставляя три ярко-алые полосы.

Он взвыл.

- Сука! Да я тебя...! - развернулся к двери кухни. - ПАРНИ! СТРАЖУ СЮДА!

Лили завизжала и вцепилась в мой подол. Мы отступили к стене.

Послышались шаги. Голоса. Дверь распахнулась. В зал ворвались двое в форме стражи, с дубинками у пояса.

Хозяин, зажимая кровоточащую щёку, показал на меня.

- Вот! Она! На меня напала! Все имущество перепортила!

Теперь должна мне сто монет.

- У меня нет денег, - испуганно прошептала, когда взгляд стражников метнулся в мою сторону.

- Тогда в долговую яму, - хмыкает один из стражей, - завтра будет торг. Такую красотку быстро выкупят в счет долга.

А я непонимающе хлопаю глазами.

Разве можно человека продать... как вещь? Из-за дюжины битых тарелок?

Дорогие читатели!

Приглашаю вас познакомиться с юморной историей нашего литмоба

"Призрачный генерал моей мечты"

<https://litnet.com/shrt/KEJk>

- Мамочка, прости, - шмыгает носом Лили.

Мы сидим в углу камеры, прижавшись друг к другу. Вместе с нами ещё несколько женщин и пара мужчин, чья судьба завтра решится на торгах.

- Ты ни в чем не виновата, - глажу я дочь по волосам. Но успокоить ее мне никак не получается.

- Я хотела помочь тебе. Хотела отнести тарелки, - дрожит всем тельцем Лили, - обещаю, я всегда буду тебя слушаться. Буду как мышка. Тихая. Только не отдавай меня.

- Эй. - Я взяла её лицо ладонями, заставляя посмотреть на меня. - Я никому тебя не отдам. Никому. Ты моя. Самое дорогое, что у меня есть.

Лили зажмурилась и прижала ладошку к моей щеке.

- Я тоже люблю тебя... сильно-сильно...

Лили кладет голову мне на колени и сворачивается калачиком. Засыпает, пока я глажу ее по волосам.

- Красивая малышка, - шепчет пожилая женщина, сидящая недалеко от меня, - за что вас сюда?

- За разбитую посуду в харчевне. Хозяин запросил сто монет. У меня не было денег.

- А расплатиться по-другому не смогла? - спрашивает другая, ещё молодая, бойкая с виду, - уж я бы не растерялась.

- По-другому. Продать свое тело? – я брезгливо морщусь.

- Глупая, - качает головой первая. — А здесь тебя что ожидает? Ты молодая. Красивая. Думаешь, получится остаться чистенькой? Не будешь покладистой, придется работать до седьмого пота. А с ребёнком... - она горько усмехается, - с ребёнком шанс попасть в приличный дом равен нулю. Разве что в публичный дом, там и дети в услужении нужны.

От её слов по коже бегут мурашки. Я крепче прижимаю Лили.

- Я лекарь. Думаю, получится договорится, - совсем неуверенно добавляю я. Соседки тихо хихикают в ответ. Та, что помоложе, качает головой:

- Милочка, да кто ж тебя слушать станет? Как хозяину будет нужно, так он тобой и распорядится. Лекарка ты или кухарка, значение не имеет.

- Но ведь должен быть какой-то закон... — я пытаюсь отыскать хоть лучик надежды.

Пожилая женщина горько усмехается:

- Закон есть. Только толку от него мало. Ты теперь в списке должников. Кто заплатит за твой долг - тот и хозяин. А уж как он распорядится - его право.

Нас будят резким стуком в дверь. Гремят ключи, скрипит засов.

- На выход! По одному, цепочкой!

Я сжала Лили за руку.

- Мама... - она испуганно посмотрела на меня.

- Держись за меня. Не отпускай.

Мы бредем по каменному коридору. Заходим в небольшую комнату. За столом чиновник в тёмной одежде, с пером и толстой книгой. Перед ним - стражник, зачитывает про каждого: сколько и за что должен, каков «товар».

Наша очередь.

- Ущерб оценён в сто монет. Постановляю – год отработки для погашения долга, - чиновник не поднимает глаз с бумаг. – Все понятно? Девочку в приют для детей должников.

Год отработки! Лили в приют! Все это не уместится у меня в голове.

- Нет! - вскрикиваю я, прижимая к себе Лили. - Мы вместе. Она не помешает!

Мужчина поднимает взгляд, равнодушно разглядывает нас:

- Без девочки у тебя больше шансов удачно устроиться. Заберёшь через год, как отработаешь долг.

- Я лекарь, - выдохнула я, цепляясь за каждую соломинку.
- Я умею лечить. Знаю травы, повязки, снадобья. Могу быть полезной. Пожалуйста... пожалуйста, не забирайте её.

Лили тонко всхлипнула.

- Я буду помогать... я умею мыть пол и носить воду... не забирайте меня...

Чиновник смягчился. На миг.

- Ладно, - буркнул он. – Девочка остаётся с матерью. Идите.

Нас так же выводят цепочкой из городской тюрьмы, ведут в сторону рынка. Там небольшой помост, вокруг толпится народ.

Когда нас подталкивают вперёд, я чувствую себя мясом на прилавке. Лили впирается в мою руку так, что пальцы бе-леют.

Глашатай орет, перекрывая гам:

- Лот десятый! Здоровая, работающая! Молодая! Рожала, но крепка! Знает травы. С ребёнком пяти лет. Долг - сто монет! Срок отработки – год!

- Беру! – противный голос режет вслух. Я смотрю вперед на толпу. Прямо перед помостом трактирщик Дорк. Смотрит нагло, перехватив мой взгляд. Ухмыляется, словно говоря: «Никуда ты от меня не денешься».

На его щеке ещё видны мои царапины. Меня тошнит от страха.

- Сто десять! - кричит какой-то мужчина в одежде управляющего.

- Сто двадцать! - торгуется Дорк.

- Сто пятьдесят! - перекрикивает купец с брюшком. - Но без девочки!

Лили вздрагивает, как от удара. Я готовлюсь к худшему. Отдать её - всё равно что отрезать часть себя.

Дорк плюёт себе под ноги.

- Двести! - его голос гремит победно. - И они мои!

Зыркает на нас, плотоядно улыбаясь. И тут до меня дохо-

дит - всё было продумано заранее. Просчитал, когда сдавал нас страже из-за дюжины разбитых тарелок. Эта мразь соби-
рался нас купить. Использовать по своему усмотрению. По-
лучить послушную рабыню на год. Знал, что никто не станет
торговаться всерьёз за женщину с ребёнком.

Толпа затихает.

- Если больше никто не желает оспорить, то лот номер де-
сять уходит...

- Стойте! - раздаётся голос в глубине толпы. - Тысячу мо-
нет. И я забираю их прямо сейчас.

За помостом - расчётное место: массивный стол под полосатым навесом, стопки бумаг, чернильница, весы для монет. Покупатель передаёт сумму, чиновник неторопливо пересчитывает, сверяет, записывает в толстую приходную книгу с кожаным переплётом. Шуршит перо, каплет воск на сургучную печать.

- Сделка совершена.

Я наблюдаю, как к столу подходит господин средних лет. Осанка выправленная, камзол до колен украшен неброской вышивкой. Сапоги начищены до зеркального блеска.

- Лот номер десять, - равнодушно бросает он и из мешочка выкладывает перед чиновником десять столбиков по десять монет.

- Все точно. Можете забирать. Но сначала распишитесь в договоре.

Договор? Я встrepенулась. Крепче сжимаю руку Лили и решительно шагаю к столу, игнорируя удивлённый взгляд солдата, который нас конвоирует.

- Простите. Если этот документ касается меня и моей дочери, я хотела бы с ним ознакомиться.

Оба мужчины поднимают на меня взгляды. Чиновник - с явным раздражением. Покупатель - с холодным любопытством, словно увидел, как купленная лошадь сама начала

изучать контракт на продажу.

- Стандартный договор, - нехотя цедит чиновник. - Господин выплачивает долг, а в обмен получает рабочую силу.

- Сроком на год? - уточняю я, не отводя взгляда.

- Всё верно. Видите, я зафиксировал дату. У нас всё по чести.

- Какого рода труд? - настаиваю, особенно внимательно глядя на «господина». - В договоре это указано?

- Это в договоре не фиксируется. Ваш новый хозяин сам определит то, чем вам предстоит заниматься.

- Рабовладельческий строй какой-то, - не сдерживаюсь, бурчу сквозь зубы.

- Идите за мной, - кивает мне господин, даже не повернув головы.

Я настороженно смотрю на его широкую спину. Мелькнула мысль сбежать. На рынке много народа, легко затеряться. Но что дальше? В этом городе оставаться нельзя. Наверняка искать будут. И неизвестно какова будет расплата за мой необдуманный поступок.

Мы выбираемся из толпы и идем практически вровень.

- Я лекарь. Многого могу. Хочу, чтобы это учитывалось при определении моих обязанностей, - произношу чётко, чтобы услышал.

Он лишь хмыкает, не замедляя шага:

- Решать не мне.

- А кому?

- Вашему новому хозяину.

- А разве это не вы? - я сбиваюсь с шага.

- Нет. Я лишь доверенное лицо. Видите впереди экипаж?
Я киваю.

- Садитесь в него

Мы садимся. Внутри несколько человек. Среди них узнаю пожилую женщину из долговой камеры. Она оживает:

- И вас купили! - радостно восклицает. – Будем держаться друг друга.

- Кто наш хозяин? - тихонько спрашиваю я.

- Какая разница? Главное - на следующей остановке покормить обещали. Обращаются хорошо. Так что не пропадём, - отвечает она.

Я не отвечаю. Разница есть всегда. Особенно когда за тебя платят тысячу монет.

Пассажиры перешёптываются, выглядят довольными. Рядом - две молодые женщины. Напротив - трое мужчин, крепких, явно приобретённых для тяжёлого физического труда. Но когда они между собой начинают обсуждать оплату, понимаю: это наёмные рабочие. Судя по разговору - плотники, едут на стройку.

Экипаж трогается. Колёса стучат по булыжнику, потом переходят на мягкую дорогу. Через пару часов мы останавливаемся не у постоянного двора, а в чистом поле. Нам приказывают выходить.

Мы выходим последними. Я специально тяну время, огля-

дываюсь.

Позади экипажа несколько гружёных телег. Ящики, бочки, свёртки под промасленной тканью. Всё аккуратно уложено. Рядом - небольшой лесок, и дальше блестит узкая голубая лента реки. Место выбрано удобно: вода, дрова, открытое пространство.

- Мужчины - за хворостом и водой! - раздаётся команда.
- Женщины - готовить обед!

Солдаты вытаскивают из телеги два больших котла. Несут их к реке.

Со стороны начала обоза к нам приближается всадник. Высокий, в тёмной форме, плащ развевается за спиной. Он едет быстро, уверенно, не сбавляя хода, и уже издалека что-то выкрикивает. Люди сразу оживляются, выполняют приказы. Все мужчины в форме. Солдаты.

Я неотрывно смотрю на приближающегося мужчину. Сердце екает прежде, чем успеваю понять.

- Воитель! – восторженно тянет Лили, дергая меня за руку. Он останавливает коня в шаге от нас, и мы сталкиваемся взглядами.

Дорогие читатели!

Еще одна история литмоба ждет вашего внимания

"Жена по договору. Наследник для генерала"

<https://litnet.com/shrt/drDK>

Всего миг я смотрю в его глаза. В них огонек узнавания и легкий интерес. Любопытство как я себя поведу.

- Как ваша рана, генерал? – спрашиваю. Удивительно, что голос звучит ровно. Внутри все колотится от шока. И непонимания как быть дальше.

Он нас выкупил. Почему? Отказал же, когда я сама пришла к нему.

- Все в порядке, - бросает он.

- Вам ещё рано сидеть верхом, - вырывается у меня, и я не могу сдержать осуждающий тон опытного медика, видящего глупое упрямство пациента. - Нагрузка на мышцы чрезмерна. Швы могут разойтись, начаться кровотечение. Вам следовало бы ехать в экипаже.

Я невольно хмурю брови, взгляд сам скользит к его бедру. Тёмная ткань брюк кажется чуть пропитанной кровью - или это лишь игра теней? Мне неловко разглядывать, но профессиональный инстинкт берёт вверх.

- Если позволите, я бы осмотрела рану, - голос всё же дрожит. Внутри - противоречие: хочется бежать от этого мужчины как можно дальше, но он мой пациент. Нужно убедиться, что нет воспаления, что швы держатся.

- Я позову вас. Позже, - отрывисто звучит его голос.

В этом «позже» - целый вихрь скрытых смыслов. Или я

просто накручиваю себя?

Мы с Лили помогаем готовить обед. Всем процессом руководит та самая пожилая женщина из камеры должников. Она представляется тетушкой Буше и сразу берёт бразды правления в свои руки. С нами две женщины – Ксана и Марта. Стреляют глазами в сторону солдат и негромко переговариваются.

Мы чистим картошку и морковь. Лили старается изо всех сил, сосредоточенно скребет морковку, высунув кончик языка.

Тетушка Буше закидывает овощи крупными кусками в котлы. Следом – крупу. Находит на поляне стебли дикого лука и просит поискать еще. Мы с Лили уходим в одну сторону. Ксана и Марта в другую.

- Мама, воитель теперь наш хозяин? – спрашивает Лили.
- Да. Но не называй его так. Теперь он для нас господин.
- Но это же хорошо? Он добрый, - тянет Лили, срывая пучок дикого лука.

Я замечаю лечебные травы - зверобой, ромашку, тысячелистник - и рву небольшой букет.

- Каким бы добрым он не казался, нужно быть осторожной, Лили. Правила не отменяются – не бегать, не шуметь и поменьше попадаться ему на глаза.

- Я знаю, - шепчет дочка, втягивая голову в плечи.
- Но сейчас можно, - я наклоняюсь и обхватываю плечи, шепчу, - Догоняй.

Мы делаем небольшой круг по полю. Лили смеётся, бежит, спотыкается, снова бежит. Щёки розовеют, глаза горят восторгом. После тесных стен обители это поле кажется ей целым миром.

Мы возвращаемся к лагерю. Похлебка вовсю кипит и пахнет вполне недурно. Тетушка Буше, ловко орудуя ножом, режет пучки лука. Добавляет в похлебку. А после громовым голосом кричит:

- Готово. Снимайте котлы с костра.

Тетушка Буше берет половник и разливает похлебку по тарелкам. Солдаты садятся своим кружком. Слуги - отдельно.

- Вкусно, тетушка Буше, - тянет один из мужчин, подбирая хлебом остатки похлебки, - вы, никак, раньше кухаркой служили.

- Работала при кухне у лорда Бьерка. Так что опыт имею. Теперь нашего хозяина буду кормить, - гордо отвечает она.

- У меня тоже опыт имеется, - говорит Марта, - так что возьмите меня в помощницы, тетушка Буше. Не пожалеете.

После обеда споро моем посуду и трогаемся в путь. К вечеру впереди показывается замок. Две массивные башни вздымаются по углам, их каменные зубцы пронзают закатное небо. Но одна сторона здания выглядит разрушенной: почерневшие стены словно после пожара, окна без стёкол зияют чёрными провалами.

Обоз с грохотом въехал во внутренний двор, вымощен-

ный неровным булыжником, поросшим в трещинах жесткой травой. Едва колеса замерли, как из замка нам на встречу выбегает высокий и худой старик.

- Господин Эдриан... - выдыхает он. - Боже правый, сколько лет...

Я внутренне вздрагиваю, когда генерал спешивается. Чуть неловко. Прикусывает губу, когда наступает на больную ногу. Солдат тут же подбегает и подаёт костыли.

- Определи людей, Сирин. После расскажешь, как тут у вас... - бросает он старику.

Нам с Лили достается маленькая комната на нижнем этаже, в той же части, что и кухня. В комнате две узкие кровати с соломенными тюфяками, простой деревянный столик, табурет и комод.

Две наши спутницы селятся по соседству. Ещё одну комнату занимает мадам Буше. Она тут же требует показать кухню и уводит с собой одну из девушек.

К нам заходит Ксана. С любопытством осматривает нашу комнатку.

- Неплохо, - говорит она с лёгкой усмешкой. - Меня в покои определили. Прислужницей. Господину генералу стол накрывать, комнату убирать, постель... готовить. - Она делает многозначительную паузу. - А ты чем заниматься-то будешь?

Не успеваю ответить. Появляется седой старик, тот самый, что встречал нас у ворот. Он ворчливо вопрошает:

- Кто из вас лекарка? Господин требует к себе. Немедленно.

Меня приводят в спальню. В камине едва тлеют угли; рядом в углу стоит тяжёлый дубовый сундук. Стены украшают перекрещённые клинки да портрет женщины в тёмной рамке. Возле стены - широкая кровать с откинутым покрывалом. Белизна простыни в полумраке комнаты приковывает взгляд.

Сердце невольно ёкает. Я не понимаю, что ждать от этого мужчины. Я полностью в его власти. На целый год.

Звук костылей, мерно стучащих по дубовому полу, заставляет меня обернуться. Генерал тяжело проходит через всю комнату, пока не останавливается у высокого кресла у камина. Отшвыривает костыли к стене — они с грохотом падают, нарушив тишину. Опирается обеими руками о спинку кресла и разворачивается ко мне.

- Пришли, - констатирует, скользнув по мне взглядом.

Его лицо в сумраке кажется высеченным из серого камня: напряжённые скулы, тень от густых бровей, скрывающая глаза.

- Вы хотите, чтобы я осмотрела вас? - спрашиваю, стараясь смотреть ему прямо в глаза.

- Господин... - добавляет он.

- А... - понятиливо тяну я. - Позвольте осмотреть вашу ногу, господин. Вы же для этого меня пригласили?

- Я для этого тебя купил. Надеюсь, не зря потратил столько денег, - саркастично произносит он, словно желая позлить меня.

- Хорошие лекари нынче дороги. Так что снимайте штаны, господин, и приступим к осмотру.

Кажется, он немного теряется от моего напора. Приподнимает бровь, но не спорит. Расстегивает пояс и медленно стягивает брюки до колен, оставаясь в исподнем. Тяжело опускается в кресло, вытянув больную ногу.

Я подхожу ближе, замечая лихорадочный блеск в глазах и нездоровый румянец на щеках. На рану смотреть страшно: повязка промокла насквозь сукровицей и сбилась набок, обнажая воспалённые края.

- Боги правые... - вырывается у меня сквозь зубы. Я бросаю на него взгляд, полный профессионального гнева. - Вы что, решили проверить, насколько прочны ваши швы? Или просто хотите стать калек, который волочит ногу?

Мужчина шумно выдыхает, играя желваками. Как-то сразу теряет всё своё напускное высокомерие.

- Не нужно пустой болтовни. Просто сделайте что-нибудь. Я не могу передвигаться на этих... - он кивает в сторону костылей.

Я закатываю глаза.

- У меня ничего нет. Нужны лекарства. Я не могу из воздуха сотворить чудо.

- У Сирина наверняка есть запасы лекарственных трав.

- Я обязательно спрошу у него. А пока вам нужно лечь. У вас лихорадка.

Я прикладываю пальцы к его щеке. Колючий. Горячий. Он чуть дёргается под моим прикосновением, словно не привык к ласке.

- Я вам помогу добраться до постели, - стараюсь говорить мягко, но без жалостливых нот.

- Я сам, - бросает упрямо.

- Конечно, сам. Я просто подстрахую... господин.

Делаю шаг назад. Он снимает штаны, сбрасывает домашние туфли. Потом опирается на ручки кресла и приподнимает тело. Идёт до кровати, волоча ногу, с неестественно прямой спиной. Предупреждающе взмахивает рукой, когда я делаю движение поддержать его.

- Сам!

«Сам так сам. Упрямый... и гордый», — мысленно заключаю я.

Я ухожу разыскивать Сирина. Нахожу на кухне, где он громко спорит с тётушкой Буше.

- Господин Сирин, - окликаю я его, - генералу требуется помощь. Нужны лекарственные травы, мази, настойки... Всё, что у вас есть. Я отберу нужное.

- Мы ещё не закончили, - грозит Сирин тётушке Буше, а та лишь ухмыляется, уперев руки в боки.

Сирин открывает дверь в кладовую и демонстрирует мне мешочки с травами. Я открываю каждый, принимаюсь. В

миску щепотками добавляю то, что мне пригодится.

На кухне в котле есть горячая вода. Завариваю в миске травы для промывания раны. Отдельно в кружке приготавливаю отвар из коры ивы, чтобы сбить жар.

Возвращаюсь в спальню к генералу. Он не спит. Напряжённо следит за моим приближением. Ставлю всё своё «богатство» на стол недалеко от кровати.

Первым делом распутываю старую повязку. От раны неприятно пахнет, и её вид мне совсем не нравится. А ведь когда я осматривала рану пару дней назад, всё было совсем неплохо.

Придвигаю табурет к кровати, ставлю рядом миску с тёплой кипячёной водой, куда уже насыпала щепотку ромашки и календулы. Готовлю чистые тряпицы и острый маленький нож, который одолжила у Сирина, предварительно прокалив его лезвие в пламени свечи.

- Сейчас будет больно, - предупреждаю. - Гнойный очаг нужно вскрыть и очистить. Иначе воспаление пойдёт глубже.

Он лишь кивает, уставившись на балки на потолке. Руки сжал в кулаки, словно он готовился к бою.

Я аккуратно разрезаю нарыв у края раны. Он даже не дрогнул - только губы побелели от напряжения. Гной вытек густой струйкой. Я вычищаю его смоченными в отваре тампонами, пока не показалась чистая, хоть и воспалённая, кожа.

В конце промываю всё настоем трав, высушиваю чистой

тканью и накладываю повязку.

Всё это время мы молчим. Тишину нарушает только его сдержанное дыхание, плеск воды и треск углей в камине.

- Как вы вообще оказались на том рынке? - спрашивает он вдруг, разрывая тишину.

- Сбежали из обители, потому что Лили хотели отправить в приют. Именно поэтому я попросила вас о помощи - дать место в вашем обозе. - Голос звучит обвиняюще. Потом тише добавляю: - Спасибо, что выкупили нас. Трактирщик сдал нас страже за разбитую посуду. У меня не было денег... А он... пытался воспользоваться ситуацией. - Я прикусываю губу, не в силах продолжить. Ловлю на себе пристальный взгляд мужчины. - Если бы не вы, господин, мы бы снова оказались в его власти. Я благодарна вам. Обещаю, вы не пожалеете, что взяли меня лекаркой в свой замок.

- Для начала вылечите мою ногу, - хрипло, с усмешкой говорит он.

- Тогда больше никакого самоуправства. Постельный режим - минимум три дня. Я буду менять повязки утром и вечером. Буду приносить отвар и еду. Если встанете раньше времени - моя ответственность кончается. Договорились, господин?

Уголок его рта дрогнул в подобии усмешки.

- С тобой сложно спорить.

- Вот и не нужно, - я быстро отворачиваюсь и иду к выходу, пряча улыбку.

Дорогие читатели!

Приглашаю в увлекательную историю нашего лит-моба

"Я попала в измену генерала"

<https://litnet.com/shrt/620z>

От Сирина я узнаю, что нашего нового хозяина зовут - Эдриан Гордан. Думаю, что ему подходит это имя. Гордости ему точно не занимать.

Ксана на него облизывается как кошка на сметану. Оно и понятно. Он красивый мужчина. Видный. Правда суровый и колючий на вид. К такому не подступишься если сам не пожелает. А то, что до нас ему дела нет я восприняла с видимым облегчением.

Утром зашла к генералу, чтобы проверить самочувствие. Пока перевязывала рану и обрабатывала настоем, в спальню вошла Ксана. Плавно. Покачивая бедрами. Слишком тесный лиф соблазнительно подчеркивал полукружья груди.

- Я принесла завтрак, мой господин, - произнесла она с придыханием, появляясь в поле зрения Эдриана. Он полусидел на кровати. Внимательно следил за моими манипуляциями. Действия моих пальцев на его ране его волновали больше, чем вздымающаяся грудь Ксаны.

- Спасибо. Можете идти, - не глядя на нее, бросил он.

- Я могу остаться... и помочь, - я легко могла представить, как Ксана хлопает ресницами, произнося эту фразу.

- Я достаточно владею руками, чтобы обслужить себя сам, - рыкнул Эдриан. Ксана удостоилась его колючего недовольного взгляда и тут же выскочила за дверь.

- Зачем вы так? – не удержалась я.

- Как так? Я искал служанку, а не девицу, мечтающую влезть в мою постель, - говорит Эдриан.

- С чего вы это взяли? Так уверены в своей неотразимости... господин?

Он прищурился, изучая моё лицо, ища скрытую насмешку.

- В своей неотразимости я не уверен, - хрипло сказал он, откидываясь на подушки. - Но в её намерениях - да. Таких, как она, я видел достаточно. Им нужен не я, а статус и тёплое место у очага. Особенно если очаг в генеральском замке.

Я закончила накладывать свежую повязку, закрепила её аккуратным узлом.

- Может, вы слишком суровы? Она просто старается понравиться новому хозяину.

- А ты? - его вопрос повис в воздухе, резкий и неожиданный. - Ты тоже стараешься понравиться?

Я подняла на него взгляд. В его серых глазах не было насмешки, лишь холодное любопытство.

- Я стараюсь выполнять свою работу, господин. И тем самым оправдать ваше... вложение. А нравиться вам или нет - это уже вне сферы моих обязанностей.

Уголок его губ дрогнул. Кажется, я снова его позабавила.

- И на том спасибо, - проворчал он. - Ладно, кончай свою возню. Оставь меня. И скажи Сирину, чтобы прислал ко мне счётные книги. Раз лежать, так с пользой.

Решив воспользоваться относительной свободой, я отправилась на разведку. Замок, вернее, его обитаемая часть, была обжитой, но какой-то неуютной. Чувствовалось отсутствие женской руки. Пахло старым деревом и пылью. В некоторых коридорах сквозило так, что гусиная кожа выступила на руках.

Пошла дальше, разыскивая Лили. Опасалась, что она, с её неумным любопытством, уже успела облазить все опасные уголки.

Нашла я её в небольшом внутреннем дворике, куда, кажется, редко ступала нога человека. Кое-где пробивалась жухлая трава, а в центре стояла каменная скамья. Рядом с дочерью сидел... мальчик. Лет десяти, не больше. Худой, бледный, в поношенной, но чистой одежде. Он что-то быстро и оживлённо рассказывал, чертя палочкой на земле, а Лили, подперев кулачками щёки, слушала, раскрыв рот.

- Лили?

Она вздрогнула и обернулась. Лицо озарилось улыбкой.

- Мама! Смотри, это Тобиас! Он сын конюха! Он знает, где тут живут летучие мыши, и как найти гнездо сокола, и показывал мне старый колодец, но туда нельзя, потому что там страшно!

Мальчик вскочил, смущённо потупив взгляд и отдавая мне что-то вроде поклона.

- Здравствуйте, госпожа лекарка.

- Здравствуй, Тобиас, - мягко ответила я. - Рада, что у Ли-

ли появился друг. Но, солнышко, - я повернулась к дочери, - ты же помнишь наши правила? Не отходить далеко и не лазить, где опасно.

- Мы не лазили! Мы просто гуляли! - убеждённо сказала Лили. - И, мама, смотри, что я нашла!

Она залезла под скамью и вытащила... куклу. Точнее, то, что от неё осталось. Это была изящная фарфоровая кукла с когда-то прекрасно расписанным личиком. Её платье из тонкой ткани почти истлело, а сам фарфор был покрыт чёрными подпалинами и копотью. Волосы, сделанные из настоящих прядей, спутались и обгорели с одного бока.

- Где ты это нашла? - спросила я тихо, принимая в руки хрупкую находку. Сердце почему-то ёкнуло.

- Там, - Лили указала пальцем в сторону самой мрачной, сгоревшей части замка. - В одной комнате, где всё чёрное. Она лежала на полу, возле большой кровати. Я её вытерла платочком.

Тобиас беспокойно переминался с ноги на ногу.

- Это старая детская, госпожа, - прошептал он. - Там... много, что еще осталось.

Я погладила обгоревшие волосы куклы. Интересно, кому она принадлежала?

- Больше туда не ходите. Это опасно. Полы могут быть прогнившими. Обещаете?

- Обещаю, - кивнула Лили, но её взгляд снова прилип к кукле. - Она же была чья-то. Её жалко.

- Да, - согласилась я. - Она была чья-то. И мы позаботимся о ней. Сначала нужно её осторожно почистить. Помыть. Сшить новое платье.

- Так я могу себе ее оставить? – оживилась Лили.

Я замялась. С одной стороны видно, что кукла брошена. Но с другой – у нее же была раньше хозяйка. И кукла явно дорогая. Такая прислуге не могла принадлежать.

- Давай спросим у Сирина, - ответила я.

Он точно должен знать, что это за кукла. Заодно попытаюсь расспросить, из-за чего произошел пожар в замке.

Дорогие читатели!

Загляните в романтическую историю нашего лит-моба

"Непокорная невеста темного генерала"

<https://litnet.com/shrt/cT0V>

Сирина я нашла на нижнем этаже в кладовой. Он гремел ключами, запирая одну из массивных дверей.

Я кашлянула, привлекая к себе внимание.

- Господин Сирин, я хотела бы с вами поговорить...

- Чего тебе? – грубовато произнес он.

У меня было много вопросов. Про кукла и пожар в замке оставила на сладкое. Начала с насущного.

- Мне бы хотелось уточнить свои обязанности в замке. А также хотела бы узнать про оплату.

- Оплату? – Сирин дернул кустистыми бровями.

- На что нам с дочерью покупать одежду, обувь? Я не могу ходить в одном и том же платье. Да и другие мелочи нужны - мыло, нитки, гребень...

- На платье дам отрез, - проворчал Сирин, - хозяин распорядился. Девочке тоже. Сама сошьёшь, коли умеешь. На прочие нужды... - Он поковырял в ухе, раздумывая. - Раз в месяц можешь рассчитывать на небольшую сумму на мелкие расходы. Не такую, как прислужницам. Они по шесть монет получают. Тебе и двух будет достаточно. На тебя и так господин потратился. Благодарна должна быть ему.

Я просияла.

- Я очень благодарна. Но если я лекарь при замке, то и выглядеть должна достойно. И еще кое-что... господин Сирин,

- проговорила медовым голосом, - Я бы хотела, чтобы у меня было определённое место - комната или хотя бы чулан, где я могла бы хранить травы, готовить простые снадобья и принимать тех, кто нуждается во врачевании. Это в интересах всех. Здоровые слуги лучше работают.

Сирин хмыкнул.

- Отдельную комнатку тебе подавай... ладно, будет тебе комнатка. Как в северной башне ремонт закончат. У нашего соседа барона Реми для лекаря целые покои отведены. Чем мы хуже.

- Определенно не хуже, господин Сирин, - поддакнула я. - Я пока могу и в кладовой с травами разместиться. Только скоро ли ремонт? Северная башня, на мой взгляд, в весьма плачевном состоянии.

- К зиме управимся. Хозяин мастеровых привез. Завтра обоз с досками и известью прибудет. Будет замок как новенький. Получишь свою комнатку. А сейчас... пойдём, выдам тебе обещанный отрез.

Мы прошли за ним в узкую, но высокую комнату, явно бывшую когда-то гардеробной. Воздух здесь пах нафталином и лавандой. На полках, уходящих под самый потолок, лежали рулоны тканей от грубого холста и шерсти до нескольких свертков более тонкого льна и даже один рулон темно-зеленого бархата с густым ворсом.

Сирин подошёл к полке с практичными тканями. Отмерил на глаз несколько локтей тёплой шерсти и светлого, по-

чти белого льна. Отрезал острым ножом, который достал из-за пояса. Потом потянулся за потрёпанной тетрадью на соседней полке и аккуратно записал, сколько и какой ткани «отпущено лекарке Арделии».

- Это тебе и дочери на платье и нижние рубашки. Что до обуви и плаща, тут уж как хозяин распорядится.

Я поблагодарила Сирина. Все это время Лили бесшумно ходила за мной как тень. Уже когда я, прижимая к себе драгоценное приобретение, собралась уходить, Лили требовательно дёрнула меня за подол платья.

Ах да! Кукла!

- Господин Сирин. Моя дочка нашла куклу в заброшенной части замка. Можно ли оставить ее?

Лили прижала запыленную куклу к груди, глядя на Сирина огромными умоляющими глазами.

Старик замер. Его взгляд прилип к фарфоровому чумазому личику и обгорелым волосам куклы. На мгновение в его глазах что-то дрогнуло

- Не думаю, что хозяину понравится... - после паузы произнес Сирин, - и не нужно больше туда ходить. Там небезопасно.

- Я так и сказала дочери. Больше она туда не сунется. Верно, Лили?

Дочка закивала головой так энергично, что косичка подпрыгнула.

Сирин молчал, явно не зная, как поступить с куклой.

- Мы вернем ее на место. Это плохая была идея, я понимаю, - быстро проговорила я.

Лили шмыгнула носом, понимая, куда я клоню. Ее пальчики сильнее вцепились в куклу.

- У нее есть хозяйка? – спросила дрогнувшим голосом.

- Нет у нее больше хозяйки... - Сирин пожевал губы. Вздыхнул, - Куклу... пока оставьте. Только на глаза господину не попадайтесь с ней. Поняли?

Лили радостно закивала головой. Ее губы растянулись в широкой улыбке.

А я слишком хорошо поняла слова Сирина.

- Кому она раньше принадлежала? - спросила шепотом, чтобы Лили не слышала.

- Ангелике. Дочери хозяина, - нехотя ответил Сирин. – Она погибла в том пожаре. Семь лет назад. Она и ее мать.

Полотно я разложила на своей узкой постели. Портниха из меня была так себе, и я в раздумьях водила ладонью по гладкой поверхности, прикидывая, с какого бока к нему подступиться. Иголок у меня не было. Придётся выпросить у кого-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.